

Роальд Даль

Ведьмы

Посвящается Ликси

Кое-что о ведьмах

Вы заметили, что в сказках ведьмы носят дурацкие чёрные шляпы, тёмные одежды и летают на мётлах?

Но наша история – не сказка!

Мы расскажем о ведьмах настоящих!

И вот что не мешает знать о них. Только слушайте меня очень внимательно. Не забывайте о том, что за моим введением последуют кое-какие события.

Настоящие ведьмы одеваются в самые обычные платья и похожи на самых обыкновенных женщин. Они живут в таких же домах, как и все мы, а иногда даже ходят на работу.

Вот почему их так трудно распознать среди людей и тем более – поймать.

Детей они просто ненавидят лютой ненавистью, исходят кипящей злобой, такой кипящей и такой шипящей, что представить себе невозможно.

И всё свободное время настоящие ведьмы только и делают, что изобретают хитроумные планы, как бы им избавиться от девочек и мальчиков, посягающих на их собственную территорию.

С какой пылкой яростью настоящая ведьма избавляется от детей! Только об этом она и думает целыми днями.

Даже если она под видом кассира сидит в магазине, или печатает деловое письмо, изображая секретаршу важного делового человека, или сидит за рулём великолепного автомобиля (а ведьмы всё это умеют делать очень хорошо), в уме у неё постоянно роятся хитрые и злые мыслишки, планы, пенятся и закипают коварные замыслы, копошатся кровожадные желания.

«За кого, за какого мальчишку, за какую девчонку приняться мне сегодня?» – размышляет она целый день. Представьте себе: настоящая ведьма просто наслаждается, преследуя ребят, как наслаждаетесь вы, например, уплетая за обе щеки полную тарелку земляники со сливками.

Обычно она управляет с одним ребёнком за неделю. Если не всё получается сразу, она становится злой и сварливой. А теперь посчитай-ка: один ребёнок в неделю, это значит пятьдесят два малыша за год! Вот какой девиз у всех ведьм:

Сначала их умаслить,

А после – напугать

И навсегда прогнать!

Жертву свою ведьма выбирает очень тщательно. Потом она незаметно подкрадывается к этому бедняге, как подкрадывается охотник к несчастной птичке в лесу. Она ступает по земле мягко-мягко, всё ближе и ближе к ребёнку. И вот наконец она готова, и-и-и – цап! Ведьма хватается за свою жертву. Вспыхивают искры, мечутся язычки огня, пенится кипящее масло, завывают крысы. По коже бегут мурашки... А ребёнок исчезает.

Как вы догадываетесь, ведьма не бьёт детей по голове. Она не тычет в них кухонным ножом и не стреляет в них из ружья. Людей, которые способны на такие штуки, прекрасным образом отлавливает полиция. А ведьму не так-то легко поймать! Не забывайте, что в её пальцах есть некая магическая сила, что в крови ее кипит всякая чертовщина, что она может камни заставить прыгать наподобие лягушек, а по поверхности воды пустить мерцающие язычки огня. Эти её ведьминские проделки напугают кого угодно!

К счастью для людей, сегодня в мире уже не так-то много осталось настоящих ведьм. Но всё же их пока достаточно для того, чтобы заставить ребят поволноваться.

Вот, например, в Англии их около сотни. В некоторых странах их чуть больше, в других – поменьше. Но нет ни одной страны в мире, где и сегодня не водились бы ведьмы.

Итак, запомни: ведьма – это всегда женщина. Мне вовсе не хотелось бы говорить плохо обо всех женщинах. Большинство из них – добрые и милые.

Но факт остаётся фактом: все ведьмы – женского пола. Мужчин среди ведьм не бывает.

Но с другой стороны, ведь все вурдалаки (упыри, вампиры) – это мужчины. Хотя они даже наполовину не бывают так ужасны, как настоящие ведьмы. И именно детям, как никому из всех живых созданий на земле, следует их остерегаться. И вот что чрезвычайно опасно: ведьма никогда не выглядит подозрительно.

Сейчас я расскажу вам о кое-каких ведьминских секретах. Но даже если вы будете их знать, вы ни за что не догадаетесь, с кем вы стоите рядом – с ведьмой или с очаровательной доброй леди.

Если бы тигр смог превратиться в большую собаку, умильно виляющую хвостом, вы бы бесстрашно подошли к нему, чтобы почесать у него за ушком. И тут вам бы пришёл конец! Так же и с ведьмами. Они на первый взгляд такие приятные леди! А теперь внимательно взгляните в наш рисунок. Какая из изображенных здесь женщин – ведьма? Вопрос трудный, но каждый мальчик и каждая девочка должны попытаться ответить на него.

Все вы должны знать, что ведьма может проживать по соседству с вашим домом или квартирой. И женщина с ясным блестящим взором, сидящая напротив вас в автобусе, тоже может оказаться ведьмой. Ею может быть и приятная на вид леди, которая останавливает вас на улице, предлагая нежное пирожное, доставая его из красивого пакета.

Сейчас я скажу одну вещь, от которой все вы подпрыгнете на своих стульях: да-да, ваша любимая учительница, читающая вам в данную минуту эти строки вслух, тоже может быть самой настоящей ведьмой. Посмотрите на неё повнимательнее. Она, конечно, улыбается этой глупой шутке. Но не давайте сбить себя с толку! Она просто очень умна.

Разумеется, я не стану вас уверять, что именно ваша учительница – ведьма. Но она может ею быть! Конечно, это неприятно, но это возможно!

О, если бы только существовали способы распознавания ведьм среди людей... Как легко было бы их всех переловить и посадить в клетку! Увы! Таких способов нет! Но зато известно множество знаков, признаков, почти неуловимых повадок, почти незаметных привычек, свойственных ведьминскому отродью, зная которые и помня о них, вы всегда сумеете

увернуться и избежать коварства любой ведьмы. А там, глядишь, вы уже и подрастёте, и ведьмы вам будут не страшны!

Моя бабушка

Мне не было ещё и восьми лет, а я уже дважды встречал ведьм. От первой мне удалось улизнуть невредимым. Но вторая встреча кончилась не так благополучно. Может быть, читая эти строки, вы невольно вскрикнете или задрожите. Обязательно так случится! Но всё же я должен рассказать вам всю правду. И главное – это то, что жизнью я целиком обязан своей чудесной бабушке. Благодаря ей я сейчас жив и здоров и рассказываю это вам, каким бы странным всё случившееся со мной ни казалось.

Моя бабушка родом из Норвегии. Вот уж кто знает о ведьмах предостаточно, так это жители Норвегии, с её тёмными глухими лесами, заснеженными горами и ледниками. Наверное, именно там и обитают ведьмы. Мои мама и папа тоже были норвежцами, но папа работал в Англии, где я и родился.

В общем, жили мы в Англии. Там же я пошёл учиться в английскую школу, но дважды в год, на Рождество и летом, мы ездили в Норвегию навестить бабушку. Эта пожилая леди, как я думаю, была единственной родной душой нашему семейству, больше родственников у нас не было.

Бабушка приходилась моей мамочке мамой, и я просто обожал её. Когда мы бывали вместе, мы могли болтать с ней обо всём на свете на двух языках сразу, легко переходя с норвежского на английский, даже не замечая этого. Нам было так хорошо вместе! Иногда мне казалось, что с бабушкой я чувствовал себя лучше, чем когда находился рядом с мамой.

Вскоре после моего седьмого дня рождения мы снова отправились в Норвегию провести рождественские праздники в бабушкином доме. И вот тут-то всему хорошему пришёл конец.

Когда наша машина морозным днём мчалась севернее города Осло, её неожиданно занесло на скользкой дороге и она перевернулась, рухнув в каменистое ущелье. Я-то сидел сзади, мама и папа крепко пристегнули меня ремнями, и со мной ничего не случилось, если не считать ушибов на лбу. А мама и папа погибли.

Не могу я вспоминать об этом ужасном дне. Меня до сих пор бросает в дрожь при мысли о случившемся. Очнулся я, разумеется, в бабушкином доме. Вдруг всё

осознал, ощутив тёплые бабушкины руки, крепко меня обнимавшие. Мы оба горько-прегорько плакали. Плакали всю ночь напролёт...

– Что же нам теперь делать? – всё время повторял я сквозь слёзы.

– Ты останешься у меня, будешь жить здесь, я буду за тобой ухаживать.

– И я больше не вернусь в Англию?

– Нет, – сказала бабушка. – Я не смогу туда уехать. Когда моя душа вознесётся на небеса, земля Норвегии примет моё тело.

А потом некоторое время спустя, чтобы как-то отвлечься от нашего непреходящего горя, бабушка стала рассказывать мне увлекательные истории. Как хорошо умела она их рассказывать! Слушая бабушку, я забывал обо всём на свете, душа моя замирала. Но особенно взволновали меня её истории про ведьм.

Оказалось, что бабушка отлично осведомлена о жизни этих созданий, и постепенно она убедила меня в том, что истории про ведьм – не какие-нибудь детские рассказы. Никто не придумывал их, это была реальность. Все рассказанные ею события действительно происходили. Всё, что она говорила мне о ведьмах, было из реальной жизни, так что я был просто обязан поверить каждому её слову. Но самым ужасным оказалось то, что ведьмы не исчезли, они существуют и поныне живут среди нас, рядом с нами. И в это мне тоже надлежало поверить.

– Бабушка, но ты говоришь мне правду? Это действительно всё так? Всё по-настоящему?

– Милый мой, – отвечала бабушка, – поверь, ты ничего не сумеешь добиться в жизни, если не научишься узнавать ведьм среди людей и ловко избегать их козней.

– Но ты ведь сама мне рассказывала, что ведьму невозможно отличить от обычной женщины! Как же мне быть?

– А ты меня послушай, – ласково объясняла бабушка, – и запоминай хорошенько всё, что я скажу. А потом уж, перекрестившись и попросив у небес помощи, полагайся на свою судьбу.

Мы сидим с бабушкой в просторной гостиной её уютного дома в Осло. Я уже собрался идти в спальню. Занавески на окнах бабушка никогда не задёргивала, и я видел падающие снежные хлопья за окном, медленно летящие, такие большие на фоне непроглядной ночной тьмы.

Моя старенькая бабушка, морщинистая, ужасно полная, закутанная в кружевное одеяние серого цвета, важно восседала в своём любимом кресле, хотя оно было и тесновато ей, так что даже мышка не уместилась бы рядом. А я, кому совсем недавно исполнилось только семь лет, примостился у её ног на полу, в ночной пижаме и тапочках, кутаясь в свой халатик.

– А ты можешь поклясться, что не морочишь мне голову? – настаивал я. – Поклянись, что ты не дурачишь меня!

– Поверь мне, – отвечала бабушка, – я знаю не меньше пяти реальных случаев, когда дети исчезали, пропадали навсегда и больше их уже никто не видел. Их, разумеется, забирали ведьмы.

– А мне почему-то кажется, что ты просто пугаешь меня, – возражал я упрямо.

– Нет, нет, – отвечала мне бабушка, – я хочу быть уверенной, что с тобой ничего не случится. Ведь я люблю тебя и хочу, чтобы мы всегда были вместе.

– Ну, тогда расскажи мне об этих детях, которые исчезли, – попросил я.

Моя удивительная бабушка была, наверное, единственной на свете бабушкой, курившей сигары. И вот она зажгла сигару, длинную и тёмную (мне казалось, что дымок от неё пахнет горелой резиной), и начала рассказывать:

– Первого ребёнка, который исчез неизвестно куда, звали Ранхильд Хансен. Это была девчушка лет восьми, она играла на лужайке вместе со своей маленькой сестрой, а их мама пекла хлеб на кухне. Вот мама вышла на улицу, чтобы подышать воздухом, и спрашивает малышку:

«А где наша Ранхильд?»

«Её увела с собой какая-то высокая леди», – отвечает дочь.

«Что за леди?» – удивляется мать.

«Высокая леди в белых перчатках», – объясняет девочка.

И с тех самых пор, – сказала мне бабушка, – никто больше не видел бедной Ранхильд.

– А её искали? – спросил я.

– Ещё бы! На много километров вокруг. Весь город помогал искать её, но девочку так и не нашли.

– А что же случилось с остальными пропавшими детьми?

– Они исчезли так же, как и Ранхильд. Каждый раз какая-то незнакомая леди проходила мимо того дома, из которого пропадали дети.

– Но как же они исчезали? – снова спросил я.

– Особенно необычным был второй случай, – начала рассказывать бабушка. – Это была дружная семья по фамилии Христиансен. В согласии и ладу они жили в Холменколлене. А в гостиной их дома висела старинная картина, которой они весьма гордились. На картине был изображен двор фермерской усадьбы с уточками. Людей художник не изобразил, только стайку уток на зелёной траве, а на заднем плане – фермерский дом. Красивая и большая была картина!

И вот однажды их дочка Сольвейг вернулась из школы, она грызла прекрасное яблоко, которым её угостила встретившаяся ей женщина. Так Сольвейг сказала. А на следующее утро кроватка Сольвейг оказалась пустой. Родители всюду искали девочку, но найти не смогли. И вдруг отец закричал:

«Вот же она! Наша Сольвейг кормит уток!»

Отец показывал на картину, которая висела на стене, и, правда, все увидели на холсте Сольвейг. Она была там, на лужайке среди уток, с корзинкой хлебных крошек, которые, казалось, она вот-вот бросит птицам.

Несчастный отец подбежал к картине и прикоснулся к холсту, к изображению дочери. Но это не помогло. Девочка по-прежнему оставалась частью картины, фигуркой, написанной на холсте масляными красками.

– А ты, бабушка, сама видела эту картину? И девочку на ней?

– И не раз, – ответила мне бабушка. – Но вот что странно: девочка словно бы передвигалась внутри картины. Однажды все увидели, что она уже не во дворе, а в доме и выглядывает из окошка. А в другой раз она оказалась в левой части картины и держала маленькую уточку на руках.

– И что же, вы замечали какое-то движение?

– Нет, никто не замечал. Где бы она ни была: на лужайке или в окошке дома, – она была неподвижна, как любое другое изображение на холсте.

– Это так удивительно, так странно.

– Но самым непонятным было то, что девочка на полотне росла. Лет через десять она превратилась в прелестную девушку, а потом в милую женщину лет тридцати, а ровно через пятьдесят четыре года со дня этого ужасного события изображение её навсегда исчезло из картины.

– Она умерла? – воскликнул я.

– Как знать... – задумалась бабушка. – В мире, где живут ведьмы, столько таинственного...

– Ну вот, два случая ты мне уже рассказала. А что стало с третьим ребёнком?

– Третьей была малышка Биргит Свенсон, – продолжила свой рассказ бабушка. – Она жила как раз через дорогу от нашего дома. Однажды всё её тело покрылось птичьими пёрышками, и она превратилась в большого белого цыплёнка. Родители несколько лет держали её в маленьком загоне в саду, и она несла яйца.

– А какого цвета? – поинтересовался я.

– Тёмные, коричневатые, – пояснила бабушка. – Я никогда в жизни не видала яиц такой величины! И до чего же вкусные получались из них омлеты!

В изумлении созерцал я свою бабушку, восседавшую в кресле, словно сказочная королева. Её глаза потемнели и затуманились. Казалось, что она всматривается во что-то очень далёкое...

Единственно реальной вещью оставалась бабушкина сигара, облачко дыма от которой окутало её голову.

– Но ведь девочка, ставшая цыплёнком, всё-таки не исчезла! – воскликнул я.

– Да, Биргит не исчезла. Она жила довольно долго.

– Бабушка, но ты ведь говорила, что все дети пропадали, – сказал я.

– Я ошиблась, ведь я уже стара, не могу же я всё помнить.

– Ну, а что случилось с четвертым ребёнком? – не унимался я.

– Это был маленький мальчик Харальд. Однажды утром его кожа покрылась желтовато-серыми пятнышками, потом она стала жёсткой, и по ней пошли трещины, а к вечеру малыш окаменел...

– Стал каменным? По-настоящему каменным?

– Да, гранитным. Если хочешь увидеть, я отведу тебя к нему. Родные всё ещё держат его дома, он стоит в холле, словно маленькая скульптурная фигурка. Гости прислоняют к нему свои зонты.

Я был ещё маленьким мальчиком, но какие-то сомнения всё же зародились в моей душе. Мне не верилось, что бабушка говорит правду.

И хотя рассказывала она убедительно, с необыкновенно серьёзным выражением лица, и смешинки не искрились в её глазах, а губы не улыбались, я почувствовал, что всё больше и больше изумляюсь услышанному.

– Ну, продолжай же, продолжай! – настаивал я. – Ты ведь говорила мне, что их было пятеро.

– А тебе нравится аромат, исходящий от моей сигары? – неожиданно спросила бабушка.

– Не знаю, я ещё маленький, – уклонился я от ответа.

– Это неважно, сколько тебе лет, – сказала она. – Просто знай, что, если ты куришь сигару, ты никогда не простудишься. А что касается пятого ребёнка, – продолжала она, пожёвывая кончик сигары, словно это был вкусный овощ, – то это был на редкость интересный случай. Мальчик девяти лет, по имени Лейф, отдыхал летом со своими родными на берегу фьорда. Они разбили на одном из множества маленьких островов палатки, плавали, ныряли со скал. Однажды малыш Лейф прыгнул в воду, и наблюдавший за ним с берега отец заволновался: мальчик очень долго не выныривал из воды. Но когда он наконец появился, это был уже не его сын.

– А кто же это был?

– Маленький бурый дельфин.

– Нет! Нет! Не может быть! – закричал я. – Наверное, это и вправду был симпатичный маленький дельфин, дружелюбный, ласковый, как все

дельфины? Бабушка, ну неужели малыш действительно превратился в дельфина?

– Совершенно верно. Я хорошо знала его мать, она-то мне всё и рассказала. Ставший дельфином Лейф весь день оставался рядом со своей семьёй в заливе, он катал на спине своих сестрёнок и братишек. Они прекрасно провели время! А потом он сделал им прощальный знак своим плавником и уплыл навсегда.

– Но, бабушка, как они догадались, что этот дельфин был их братом Лейфом?

– Да ведь он говорил с ними! Он смеялся и шутил, пока они катались на его спине.

– А разве их не волновало то, что произошло? Почему же они не подняли шум?

– Видишь ли, малыш... в Норвегии люди привыкли к подобным событиям, – объяснила мне бабушка. – Не забывай, что здесь повсюду ведьмы. Представь, даже сейчас, прямо по нашей улице может прохаживаться одна из них. Но довольно историй, тебе пора спать.

– А ведьма не заберётся в мою спальню через окно? – спросил я, и голос мой дрогнул.

– Нет, – засмеялась бабушка. – Ведьмы не так глупы, чтобы ночью карабкаться по водосточной трубе или врываться в чужой дом! В своей кровати ты в полной безопасности. Пойдём же, я укурую тебя потеплее.

Как узнать ведьму?

На следующий вечер, когда бабушка помогла мне выкупаться, она закутала меня в халат, и мы снова уселись в гостиной.

– Сегодня, – сказала она, – я хочу научить тебя распознавать ведьму среди обычных людей.

– И ты никогда не ошибаешься? – удивился я.

– Нет, – грустно ответила бабушка. – Беда в том, что ошибиться очень легко. В этом-то всё и дело. Но это так интересно – отгадывать загадки!

С кончика сигары на подол её платья упала горстка пепла. Я ещё подумал: хорошо бы, чтобы бабушка успела рассказать о ведьмах, прежде чем она заметит, что одежда её горит, и начнёт гасить пламя.

– Первое, на что следует обратить внимание, это перчатки, которые настоящая ведьма носит всегда.

– Может быть, не всегда? – заметил я. – Ведь летом, в жару, ей, наверное, неудобно?

Но бабушка уточнила:

– Да, и летом тоже. Она просто обязана всегда носить перчатки. И знаешь почему? Потому что на руках у неё не пальцы с ноготками, как у людей, а тонкие кривые когти, как у диких кошек. Перчатки же их скрывают. А теперь подумай, ведь каждая приличная женщина носит перчатки, особенно зимой. Так что этот знак тебе мало поможет.

– Моя мама всегда носила перчатки, – грустно произнёс я.

– Но ведь не дома, правда? А ведьмы в перчатках постоянно, они снимают их только перед сном.

– Откуда тебе всё это известно, бабуля?

– А ты не перебивай меня! Просто слушай. Второй признак, по которому можно опознать ведьм, – это их лысые головы.

– Лысые?! – завопил я.

– Совершенно. Голые, как скорлупа варёного яйца.

Слова бабушки привели меня в состояние шока. Как это, должно быть, неприлично для настоящей ведьмы.

– Только ты не спрашивай, почему они лысые, – продолжала бабушка. – Просто запомни, что ни один волосок не растёт на голове у ведьмы. И это так мерзко!

– Наверное, лысая голова очень быстро пачкается, – заметил я.

– Вовсе нет, – возразила бабушка, – ведьмы носят парики, самые роскошные парики на свете! Такой первоклассный парик невозможно

отличить от живых волос, пока ты не попытаешься дёрнуть ведьму за волосы, чтобы сорвать его.

– Вот это я обязательно сделаю, – сказал я.

– Не глупи, – рассердилась бабушка. – Ведь не станешь же ты вцепляться в волосы всем женщинам подряд. Да ещё если заметишь на них перчатки.

– Значит, и этот признак мне не поможет, – огорчился я.

– Конечно, сам по себе ни один из этих способов распознавания ведьм не хорош. Но если собрать их вместе, они подтолкнут тебя к разгадке. Заметь ещё, что с этими париками у ведьм часто возникают проблемы.

– Какие проблемы, бабушка?

– А такие, что под париком у ведьмы ужасно чешется голова. Вот если мы с тобой или какая-нибудь актриса наденем парики, то мы наденем их словно шапочки, на собственные волосы. А ведьмы надевают их на лысую голову, и их изнанка, всегда такая жёсткая, раздражает кожу головы. На лысине появляются болезненные царапины. «Тёркой» называют ведьмы свои парики.

– А на что ещё стоит обратить внимание, если я захочу опознать ведьму? – поинтересовался я.

– Заметь, какие у неё ноздри, – подсказала бабушка. – Ноздри ведьмы чуточку больше, чем у обычных людей. И ещё: краешки ноздрей у ведьмы всегда розовые и искривлённые. Как у некоторых морских раковин.

– И зачем им такие большие ноздри?

– Чтобы лучше принимать. У них изумительные способности к распознаванию запахов. Представь, что глухой тёмной ночью, когда кругом ни зги, ведьма без особых усилий уловит запах ребёнка, даже если он находится на другом конце улицы.

– Меня-то она не учует, – заметил я важно, – я принимаю ванну каждый день!

– Учует, – возразила бабушка. – Чистый ты пахнешь для ведьмы ещё отчётливей. Совершенно чистый ребёнок – это целый букет ароматов для ведьминского носа. Чем грязнее ты будешь, тем ей труднее будет тебя обонять. Потому что не грязные запахи её привлекают, а твой собственный. Флюиды

твоего чистого тела буквально волнуют её кровь. Она способна уловить аромат твоей кожи, долетающий до неё с ветерком. И это очень важно помнить. Если тебе случится не умываться и не мыться несколько дней, твоя кожа покроется тонким слоем грязи, и запах твоего тела не скоро достигнет носа любой из ведьм.

– Всё. Больше я не моюсь и не купаюсь! – заявил я.

– Ну почему же? – заметила бабушка. – Хоть изредка, но делать это надо.

Я с нежностью посмотрел на свою бабушку. В такие минуты я любил её ещё больше!

– Бабушка, – спросил я, – но как же ведьма по запаху отличит в темноте ребёнка от взрослого?

– Очень легко: кожа ребёнка имеет свой особый, более тонкий аромат, не такой, как у взрослого человека. Ведьмы с нежностью называют его «вонька».

– Но разве так скажешь про меня? – возмутился я.

– Ни в коем случае! Ты пахнешь земляничкой, вкусным кремом. Для меня. Для ведьмы же запах твоего тела подобен собачьим испражнениям.

Я был возмущён. Я был ошеломлён. Я чуть не утратил дар речи.

– Я не пахну так! – закричал я. – Я никогда не буду так пахнуть! Это неправда!

– Да, да, – подтвердила бабушка совершенно спокойно и уверенно, – для неё это запах свежего собачьего дерьма.

– Нет, нет, ни за что! – вопил я. – Никакой не свежий! Никакой не прошлогодний! Никогда я не буду пахнуть так!

– И спорить тут не о чем, – хладнокровно заметила моя бабушка, – именно так ведьмы и воспринимают запах детского тела, и это факт.

Я был оскорблён, я не верил своим ушам, я просто не мог поверить тому, что сказала бабушка.

– Так что, если ты заметишь, что какая-то дама на улице, проходя мимо, принохивается к тебе, то знай: она может оказаться ведьмой.

Мне наскучил разговор о запахах.

– Расскажи лучше, что ещё в ведьме необычного, – попросил я.

– Обрати внимание на глаза, они очень отличаются от моих и твоих. Постарайся заглянуть в них поглубже, взглядишь в зрачок. У ведьмы он беспрестанно меняет цвет. Ведьминский зрачок – это нечто необычное: в нем иногда можно увидеть танцующие огоньки или холодные льдинки, от которых у тебя по коже побегут мурашки.

Бабушка с удовольствием откинулась на спинку кресла, потягивая свою вонючую сигару. Сидя в её ногах, я с восхищением созерцал её милое, серьёзное, совершенно не насмешливое лицо.

– А есть ли ещё какие способы распознать ведьму? – спросил я.

– Да, есть кое-что ещё, – ответила она. – Запомни-ка: ведьмы не всегда женщины. Они только выглядят как женщины. Так же разговаривают, так же себя ведут, но в действительности – это существа особого рода. Это демоны, принявшие облик человека. Отсюда – их голые черепа, когти, необычные по форме ноздри, особенные глаза. Всё это они пытаются тщательно скрыть от людских глаз. Да, вот ещё, чуть не забыла: обращай внимание на их ноги: на ногах у них нет пальцев, лишь плоские ступни.

– Но им же трудно ходить! – воскликнул я, представив себе эти прямоугольные ступни.

– Вовсе нет, – заметила бабушка. – Конечно, им трудно подобрать удобную обувь, ведь все женщины любят изящные туфельки и башмачки с узкими мысами, и потому, надевая такую обувь, ведьмы с их широкими и прямоугольными ступнями страшно мучаются.

– А почему бы им не подыскать себе что-нибудь более подходящее? – удивился я.

– Они не смеют, – пояснила мне бабушка, – они просто вынуждены прятать свои лысые головы под париками, а уродливые ступни скрывать в изящных дамских туфельках. Хотя это и ужасно неудобно. Но скрывать всё же необходимо!

– Но это значит, что мне никогда не узнать, что за ступни у этой ведьмы, если она обута в красивые туфли!

– Выходит, что так, – заметила бабушка. – Впрочем, иногда она может прихрамывать, но это уж очень трудно заметить! Хотя есть ещё один признак: у неё голубая слюна, даже синяя, как сок черники.

– Не может быть! – снова воскликнул я. – Такого не бывает! Не бывает синей слюны!

– У ведьм бывает. Иногда слюна эта цвета чернил. Свою слюну они как раз вместо чернил и используют. Поэтому они предпочитают старые ручки со стальными пёрышками: достаточно лизнуть перо, и можно писать.

– И тебе приходилось это видеть, бабушка? А если просто заговорить с ведьмой, как узнаешь, что у неё синяя слюна?

– Ну-у... только если ты очень-очень наблюдателен, – задумчиво протянула бабушка. – Может, тебе удастся заметишь лёгкий синий налёт на её зубах. Но это вряд ли.

– Если только она будет плевать, – уверенно заявил я.

– Ведьмы не смеют так вести себя, – сказала на это бабушка.

Мне и в голову не приходило, что бабушка может всё это придумывать, чтобы дурачить меня. Ведь она была такая строгая, ходила в церковь по утрам и перед каждой едой произносила молитву, а люди, так поступающие, не позволяют себе лгать. Я был совершенно готов поверить каждому её слову.

– Ну вот, теперь ты всё знаешь, – сказала бабушка. – Я постаралась тебе всё объяснить, хотя ни один из способов не поможет тебе сразу распознать ведьму среди людей. Но если сойдутся все признаки: и перчатки, и широкие ноздри, и подозрительные глаза, и волосы, напоминающие парик, и синеватый налёт на зубах, то беги от этой женщины прочь со всех ног.

– Расскажи, бабушка, а ты сама, когда была маленькой, встречала ведьму?

– Однажды, – сказала бабушка, – только один раз, но рассказывать тебе об этом я не стану: не хочу испугать тебя, а то ты плохо будешь спать. Случаются ужасные события, о которых не стоит упоминать.

Как я ни умолял бабушку, она была непреклонна. И тут я спросил неосторожно:

– А это как-то связано с тем, что у тебя на одной руке нет пальца?

Бабушка крепко сжала губы, и рука её, державшая сигару (как раз на этой руке не было пальца!), начала чуть заметно дрожать. На меня она даже не взглянула. Сидела молча. Сразу же замкнулась, и разговор наш оборвался.

– Бабушка, спокойной ночи, – сказал я как можно ласковее и поцеловал её в щёку.

Бабушка не шевельнулась. Я осторожно вышел из комнаты и поднялся наверх в свою спальню.

Великая старшая ведьма

На следующий день человек в темном костюме и с портфелем в руке постучал в наш дом. Он долго беседовал о чём-то с бабушкой в гостиной, куда мне не разрешили войти.

Как только человек в тёмном ушёл, бабушка появилась в моей комнате. Она шла очень медленно и выглядела печальной.

– Этот джентльмен приходил, чтобы прочитать мне завещание твоего папы, – сказала она.

– А что это такое? – удивился я.

– Это последняя воля человека, то, что он хочет пожелать перед смертью. Например, он называет имя того, кому хотел бы оставить свои деньги и имущество. Но самое главное в завещании – это решение, кто будет воспитывать его детей, особенно в тех случаях, когда умирает и его жена.

Меня вдруг охватил панический ужас.

– И что же он сказал, бабушка? – воскликнул я. – Ведь правда же, я никуда не поеду отсюда!?

– Нет, нет, – успокоила меня бабушка. – Твой отец никогда бы не принял такого решения. Он выразил пожелание, чтобы я воспитывала тебя, пока жива. Но хотел бы, чтобы мы с тобой уехали в Англию и поселились в вашем доме.

– Но почему? Разве мы не можем остаться в Норвегии? Ведь ты так не хотела жить в другом месте, я помню, ты говорила об этом!

– Да, – согласилась бабушка. – Но существует много проблем, связанных с деньгами, с домом; их тебе не понять пока. К тому же в завещании сказано, что ты родился в Англии, там пошёл в школу. И хотя вся наша семья родом из Норвегии, твой отец хотел бы, чтобы ты получил образование в Англии.

– Нет, нет, бабушка! – заплакал я. – Ведь ты же не хочешь уезжать, не хочешь жить в нашем доме в Англии, я знаю это!

– Разумеется, – ответила на это бабушка, – но боюсь, что мне придётся поступить именно так. В завещании сказано, что и мама твоя разделяла мнение отца, и к последней воле твоего отца следует отнестись с уважением.

Ничего нельзя было поделаться: мы должны уехать. Бабушка немедленно начала готовиться к переезду.

– Занятия в школе начнутся через несколько дней, – твёрдо сказала она, – так что мы не можем терять времени.

Вечером, накануне нашего отъезда в Англию, бабушка неожиданно вернулась к нашим разговорам о ведьмах.

– В Англии их не так много, как у нас, в Норвегии, – напомнила мне она.

– Я думаю, что мне не встретится ни одна из них, – убеждённо заявил я.

– И я на это надеюсь, – сказала бабушка. – В Англии они особенно злобные, нигде в мире таких больше нет.

Она снова устроилась в своём любимом кресле, закурив чересчур «ароматную» сигару. А я не сводил глаз с её руки, на которой не было пальца. Я ничего не мог с собой поделаться, меня сжигало любопытство. Что же такое ужасное могло случиться, когда моя бабушка, в то время ещё маленькая девочка, повстречала ведьму? Наверное, это событие было столь печальным и в то же время столь отвратительным, что бабушка просто не в силах говорить о нём! Возможно, ведьма схватила бабушкин пальчик и выкручивала его, пока не сломала, или ошпарила его кипятком из горячего чайника? Или кто-то другой вырвал пальчик, как вырывает дантист больной зуб? Ничего я не мог понять.

– Расскажи мне, бабушка, об английских ведьмах. Чем они занимаются? – попросил я.

– Ну, хорошо, – согласилась бабушка, посасывая свою сигару. – Любимая забава у них – это поднять такую пыль, которая способна поглотить любого малыша; или превратить его в нечто, в некое существо, которое не нравится взрослым. Ну, например, в слизняк. И тогда человек, ненароком наступив на слизняка, поскользнётся или раздавит его, не подозревая, что это ребёнок.

– Как это отвратительно! – вскрикнул я невольно.

– А что ты скажешь о блохе? – продолжала бабушка. – Тебя превратят в блоху, и твоя собственная мама, вместе с порошком от блох, выбросит тебя и – прощайте!

– Бабушка, ты пугаешь меня. Мне уже вовсе не хочется ехать в Англию.

– Знала я английских ведьм, – хладнокровно продолжала бабушка. – Они способны на такую пакость, как превратить детей в фазанов, выпустить их в лес как раз накануне открытия охотничьего сезона. Конечно, бедняги погибали.

В моём воображении предстали ужасные картины: фазаны, мечущиеся среди деревьев, и один из них – это я, стремящийся уклониться от выстрелов человека с ружьём.

– Представь себе, что эти английские ведьмы наслаждаются зрелищем такой жуткой охоты, – добавила бабушка.

– Не хочу я в Англию, – мрачно сказал я.

– Я тоже не хочу, – строго заметила бабушка, – но, боюсь, мы обязаны ехать туда.

– А что, ведьмы в разных странах разные по характеру? – перевёл я разговор.

– Совершенно разные. Но про ведьм других стран я мало знаю.

– А ты знаешь что-нибудь об американских ведьмах?

– Немного, – ответила бабушка. – Хотя, впрочем, кто-то говорил, что тамошние ведьмы заставляют взрослых поедать своих маленьких деток.

– О нет! – воскликнул я в ужасе. – Этого не может быть!

– Ну, не знаю, – сказала бабушка. – Думаю, это просто злые слухи. Вообще-то им, наверное, нетрудно превратить малыша в сосиску и запихнуть его между двумя кусками горячей булочки.

Я уже не мог слышать ничего подобного.

– А разве во всех странах мира существуют ведьмы? – спросил я.

– Да, всюду, где живут люди, там живут и ведьмы. И в каждой стране есть своё тайное общество ведьм. Хотя о существовании себе подобных, проживающих в соседней стране, они ничего и не знают. Им известны лишь те, кто живёт рядом с ними. И вообще им строго-настрого запрещено общаться с ведьмами из других стран. Но вот, к примеру, английской ведьме доподлинно известно всё о ведьмах Англии. Подумай только, они звонят друг другу по телефону! Обмениваются рецептами, методами действий. Бог знает, о чём они только не говорят. Думать об этом не хочу.

Я снова уселся подле бабушки. Она стряхнула пепел с сигары и скрестила руки на животе.

– Раз в году, – продолжала она, – в каждой стране ведьмы собираются на тайное сборище. Они встречаются, чтобы послушать лекции, которые читает Великая старшая ведьма, путешествуя по свету. Она управляет всеми ведьмами мира! Она воистину всемогуща. И не знает, что такое милосердие. Ведьмы буквально цепенеют перед ней. Ведь они видят её только раз в году, на этом сборище, которое Великая старшая ведьма устраивает, чтобы подхлестнуть активность других ведьм, возбудить их и вдохновить на новые «подвиги». А также и для того, чтобы отдать им кое-какие распоряжения.

– И где же проходят эти встречи?

– Не знаю точно, слухи ходят разные. Но говорили, что иногда они арендуют целую гостиницу, как это делают обычные женщины для проведения своих встреч или собраний. Ещё говорили, что в гостиницах этих происходили самые невероятные события: что постели в номерах оставались нетронутыми, будто в них никто не спал, что на коврах находили прожжённые места, что в ваннных комнатах случалось видеть жаб, а однажды на кухне повар обнаружил в кастрюле с супом маленького крокодильчика.

Бабушка снова поднесла сигару к губам и затянулась. Я спросил:

– А где живёт Великая старшая ведьма? Где её дом?

– Это неизвестно. Если бы люди знали что-нибудь об этом, они бы её уничтожили. Ведьмологи всех стран заняты поисками тайного обиталища Великой старшей ведьмы, но тщетно!

– Бабушка, а кто такие эти ведьмологи? – спросил я.

– Это люди, которые специально занимаются историей ведьм. Они очень много уже знают об этих созданиях.

– Бабушка, – воскликнул я, – а ты, случайно, сама не ведьмолог?

– Я уже отошла от дел, – грустно ответила бабушка. – Я постарела и уже не могу быть такой активной, как прежде. В молодости я объездила много стран, выслеживая Великую старшую ведьму. Но удача мне не улыбнулась...

– Она, наверное, очень богатая?

– Разумеется, она просто купается в золоте. Ходят слухи, что в её штаб-квартире есть такая же машина для печатания банкнот, как и на всех денежных фабриках или монетных дворах любого государства. Ведь, в конце концов, денежная банкнота – это всего лишь листок специальной бумаги с характерным рисунком на ней. Если у человека есть настоящая машина для печатания денег, он легко их напечатает; разумеется, на особой бумаге. Я думаю, Великая старшая ведьма может иметь любые банкноты и раздавать их ведьмам в любой стране.

– И даже иностранные деньги? – удивился я.

– Конечно. Если тебе нужно, она напечатает даже китайские деньги. Необходимо только знать, какие нажимать кнопки на машине.

– Но я не пойму, бабушка: если никто и никогда не видел Великой старшей ведьмы, откуда ты знаешь, что она существует?

Бабушка посмотрела на меня долгим и пристальным взглядом.

– Но ведь никто никогда не видал и дьявола, – строго сказала она, – однако все знают, что он существует.

На следующее утро мы уже ехали в Англию. Вскоре мы оказались в нашем родном доме в городе Кент. Но теперь там жили только мы двое – я и моя бабушка.

Начались занятия, и вот я снова, как обычно, ходил в школу, а после уроков возвращался домой.

В глубине нашего сада росло огромное дерево, гигантских размеров каштан. В его раскидистых ветвях мы с моим другом Тимми решили построить тайное убежище. И хотя строили мы его только в те дни, когда в школе не было занятий, дело продвигалось споро.

Сначала мы уложили настил, соорудив его из нескольких широких досок, закреплённых гвоздями, между двумя раскидистыми ветвями. С полом мы провозились почти месяц. Потом занялись оградой. Оставалось только положить крышу на наше сооружение. Это казалось труднее всего. Однажды в субботу Тимми не пришёл, он был простужен, и я решил, что начну потихоньку делать крышу сам. Наверху я чувствовал себя просто великолепно! Рядом шелестели ветви каштана, уже покрывавшиеся молодой листвой. Словно я находился в просторной зелёной пещере. Высота будоражила мой дух, я наслаждался. Правда, бабушка предупреждала меня, что если я свалюсь с дерева, то сломаю ногу. Поэтому, поглядывая изредка вниз, я слегка вздрагивал, а по спине пробегали мурашки.

Я продолжал свою работу, и вот уже первая доска навеса прибита гвоздями. Но вдруг краем глаза я заметил, что внизу кто-то стоит. Это была женщина, и она разглядывала меня. Закинув голову, она улыбалась мне. Почему-то её улыбка меня насторожила. Ведь когда люди улыбаются, уголки их губ расходятся в стороны, а у этой леди губы вытянулись вверх и вниз, неприятно обнажив передние зубы и дёсны. А дёсны-то были по цвету как сырое мясо. Всегда испытываешь неприятные ощущения, когда вдруг обнаруживаешь, что за тобой наблюдают, особенно когда думаешь, что ты один. И всё же, как эта незнакомая женщина оказалась в нашем саду? Я разглядел на ней маленькую чёрную шляпку, а на руках чёрные длинные перчатки, почти до локтя.

Перчатки! О боже, она была в перчатках! Мороз прошёл по коже.

– А у меня для тебя подарок, – сказала женщина, не сводя с меня глаз и всё ещё улыбаясь, обнажая зубы и дёсны.

Я не отвечал.

– Спускайся, малыш, – продолжала она, – у меня удивительный подарок, ты такого ещё ни от кого не получал.

Меня поразили надтреснутый голос этой леди: какой-то странный металлический призыв был в нём, словно в гортани у неё дребезжали кнопки.

Своей затянутой в перчатку рукой, не спуская с меня глаз, она достала из сумочки маленькую зелёную змейку. И даже приподняла её вверх, чтобы я мог получше рассмотреть.

– Она ручная, – сказала женщина.

Змейка извивалась вокруг её руки. Зелёное тельце блестело на солнце.

– Спускайся, и я подарю тебе змейку, – сказала женщина.

«Бабушка, бабушка, – взмолился я в душе, – помоги мне!»

Меня охватила паника, я выронил молоток и стал быстро, как обезьяна, карабкаться вверх по дереву. Я забрался так высоко, что дальше лезть побоялся. Я дрожал от страха. Женщину я видеть уже не мог, нас разделяло зелёное море листвы.

Так, не шевелясь и не издав ни звука, я просидел несколько часов. Стемнело. Но вот наконец я услышал, как бабушка зовёт меня домой.

– Я здесь, наверху, – откликнулся я.

– Спускайся немедленно, уже пора ужинать!

– Бабушка, а эта женщина уже ушла? – спросил я громко.

– Какая женщина?

– Там была женщина в чёрных перчатках.

Наступила тишина. Такая тишина повисает в воздухе, когда человек ошеломлён и не в состоянии что-либо произнести.

– Бабушка, – завопил я во всё горло, – ушла она или нет?!

Наконец бабушка отозвалась:

– Конечно, ушла, милый мой. Здесь никого, кроме меня, нет. Спускайся же скорее, я присмотрю за тобой.

Всё ещё взволнованный, я слез. Бабушка ласково меня обняла.

– Я видел ведьму, – прошептал я.

– Пойдём в дом, – ответила бабушка. – И пока я рядом, ничего не бойся!

Мы вошли в дом, сели за стол, и я выпил чашку горячего какао, такого сладкого!

– А теперь расскажи мне всё, – попросила бабушка.

Когда я кончил свой рассказ, я увидел, как сильно взволнована моя бабушка. Лицо её побледнело, и она опустила глаза, словно разглядывала свою руку, на которой не было пальца.

– Знаешь, это значит, что в нашей округе обитает ведьма, – наконец произнесла она. – Теперь я буду провожать тебя в школу.

– Ты думаешь, что она приходила именно за мной? – спросил я.

– Нет, совсем не обязательно, я даже сомневаюсь в этом. Для этих тварей совершенно безразлично, что за ребёнок перед ними.

Трудно поверить, но после случившегося я сознательно стал избегать ведьм. Если я шёл по улице один и мне встречалась дама в тёмных перчатках, я мгновенно переходил на другую сторону. А поскольку погода в том месяце стояла прохладная, почти никто не ходил без перчаток. Но даму с зелёной змейкой я больше не видел. Такой была моя первая встреча с ведьмой. Первая, но не последняя!

Летние каникулы

Время бежало незаметно, и наконец наступили летние каникулы! Мы с бабушкой давно уже обсудили план нашей поездки в Норвегию. Мы не уставали говорить об этом целыми вечерами. Начало моих каникул мы намеревались провести на пароходе, идущем в Осло из Ньюкасла. Бабушка даже заказала нам две каюты. Из Осло она собиралась повезти меня на южное побережье, вблизи Арендала, в те дорогие для неё места, где в детстве она

проводила свои летние каникулы. А ведь это было почти восемьдесят лет тому назад!

– Мы с братом, – рассказывала бабушка, – на целый день уплывали на лодке, нам нравилось медленно грести, разглядывая маленькие, совершенно безлюдные острова. Подплывая к какому-нибудь из островков, мы ныряли в море с гладких, словно отполированных гранитных скал. А иногда мы останавливались, чтобы половить рыбу. Обычно на крючок попадались треска или мерланы, и тогда мы разводили на берегу костерок и жарили рыбу. До чего же это было вкусно! Ничего на свете нет вкуснее, чем жареная, только что выловленная рыба.

– И на какую же приманку вы ловили рыбу? – поинтересовался я.

– На мидий

[1]. В Норвегии все так делают. А если не хотелось рыбы, мы собирали моллюсков и варили их в маленькой кастрюльке.

– Это, должно быть, вкусно?

– Божественно! – воскликнула бабушка. – Сварить их в солёной морской воде! О, это такое нежное, деликатесное блюдо. А ещё мы любили подгрести к судам, промысляющим ловлей креветок. Если случалось, они возвращались домой с уловом, нам перепадали полные пригоршни креветок. Креветки были горячие, только что приготовленные. О, с какой жадностью, сидя в лодке, мы чистили их и тут же поедали, до чего же это было вкусно! А знаешь ли ты, что самый лакомый кусочек в креветке – это её голова? Чтобы почувствовать её восхитительный вкус, голову нужно высосать. Милый мой, всё это мы с тобой обязательно проделаем этим летом!

– Бабушка, – воскликнул я, – когда же мы уедем? Я просто не могу больше ждать!

– И я тоже, дорогой, – улыбнулась мне бабушка. Но когда до начала летних каникул оставалось всего три недели, произошло нечто ужасное. Бабушка заболела воспалением лёгких. Она была так слаба, что в нашем доме появилась опытная медицинская сиделка, чтобы было кому за ней ухаживать.

Доктор объяснил мне, что в наши дни, когда появилось столько сильных антибиотиков, воспаление лёгких (пневмония) уже не представляет

опасности, как в прежние времена, но пожилым людям всё же лучше не болеть. Ещё он сказал, что бабушка слаба настолько, что он не рискнул бы перевозить её в больницу. Лучше ей остаться дома. И вот я, слоняясь у дверей бабушкиной спальни, смотрел, как мимо меня проносят кислородные подушки и ещё какие-то предметы, так пугавшие меня.

– Можно мне на минутку к бабушке? – спрашивал я у сиделки.

– Нет, дорогой, ещё не время, – мягко отвечала та.

Каждый день к нам приходила миссис Спринг, весёлая полная леди, она убирала наш дом. Но теперь она поселилась у нас, чтобы было кому присматривать за мной. И хотя она мне очень нравилась, до бабушки ей было далеко! Да и рассказывать занимательные истории она не умела.

Как-то вечером, примерно на десятый день бабушкиной болезни, доктор, выйдя из спальни и спустившись по лестнице, направился прямо ко мне.

– Ну вот, теперь ты можешь повидаться с бабушкой, но только недолго. Она всё время про тебя спрашивает.

Я буквально взлетел вверх по лестнице, и, ворвавшись в бабушкину спальню, бросился к ней в объятия.

– Подожди-ка! – засмеялась сиделка. – Будь осторожней!

– Бабушка, тебе лучше?! – Моей радости не было предела.

– Самое худшее уже позади, – ответила она. – Скоро я даже смогу встать.

– Это правда, – подтвердила сиделка. – Твоей бабушке не терпится поскорее поправиться, уж больно она беспокоится о тебе.

Я ещё крепче обнял мою дорогую бабулю.

– Мне запретили курить, – шепнула она мне, – но мы подождём, пока они все разойдутся.

– Стойкая у тебя бабушка, – с восхищением в голосе произнесла сиделка. – Мы все надеемся, что за неделю ей станет намного лучше.

И она оказалась права. Через неделю бабушка уже похаживала по дому, хотя и не без помощи сиделки и своей трости с золотым набалдашником. Она

даже заглянула на кухню, где миссис Спринг готовила нам обед, и поблагодарила её за помощь и заботу. А потом сказала, что уже вполне здорова и намерена отпустить миссис Спринг. Но та не согласилась, ссылаясь на слова доктора, который сказал, что ещё несколько дней бабушка должна беречь свои силы.

Увы, доктор сказал кое-что ещё. Ни о какой поездке в Норвегию даже думать нельзя. И это обрушилось на нас как удар грома.

– Чепуха! – пришла в ярость бабушка, выслушав приговор. – Я обещала мальчику!

– Но это немного далековато, – спокойно возразил доктор. – А для вас это небезопасно. Но вот моё предложение, думаю, оно вам понравится: поселитесь с внуком в каком-нибудь симпатичном отеле на южном побережье Англии. Тамшний морской воздух пойдёт вам обоим на пользу.

– Нет, нет! – чуть не закричал я.

– А что же, – прищурился доктор, – ты хочешь, чтобы твоя бабушка умерла?

– Нет, нет! Ни за что! – тут же запротестовал я.

– Ну тогда нужно отказаться от дальней поездки. Этим летом ей ещё не под силу такое путешествие. И не разрешай ей курить эти отвратительные чёрные сигары!

В том, что касалось путешествия, доктор своего добился, но только не в курении.

Для нас были заказаны комнаты на берегу моря в отеле под названием «Великолепный». Это был известный курорт Борнмут. Как объяснила мне бабушка, он буквально кишмя кишел такими же отдыхающими, как и она. Тысячи людей приезжали в это благословенное место, чтобы укрепить своё здоровье, подышать прекрасным морским воздухом и сохранить бодрость ещё на несколько лет.

– И у них это получается? – спросил я.

– Да чепуха всё это, – возразила бабушка. – Но сейчас, именно сейчас я хочу прислушаться к советам доктора.

И вскоре мы уже прибыли на поезде в Борнмут. Отель «Великолепный» представлял собой огромное белое здание на приморском бульваре, и я подумал, что скучнее места для летних каникул просто не найти.

У меня была своя спальня, наши с бабушкой комнаты соединялись дверью, так что мы могли общаться друг с другом, не выходя в коридор.

Перед самым отъездом в Борнмут, чтобы как-то утешить меня, бабушка подарила мне двух белых мышек в чудесной маленькой клетке. Разумеется, мышек мы взяли с собой. Это были ужасно забавные мышки! Я назвал их Вильямом и Мэри, и сразу же по приезде в Борнмут решил заняться дрессировкой. Мне хотелось обучить их различным трюкам.

Первое, что им удалось, так это взбираться вверх по внутренней стороне рукава моей куртки и из-под воротника вылезать наружу мне на шею. Потом они освоили и дорогу по моей шее к затылку. Чтобы приучить их к этому трюку, мне приходилось насыпать себе на затылок крошки от кекса.

Однажды утром, вскоре после нашего приезда, горничная приводила в порядок мою спальню, и тут из-под простыни выскочила мышка и забралась ей на голову. Вопль горничной был таким душераздирающим, что вмиг более десятка людей сбежалось посмотреть, кого тут убили.

Меня пригласили к директору, и мы с бабушкой пережили тяжёлую сцену в его кабинете. Мистер Стрингер, директор отеля, оказался сердитым джентльменом в чёрном фраке.

– Мадам, – строго обратился он к бабушке, – я не могу разрешить вам держать у себя мышей!

– Как вы смеете говорить так? – возмутилась бабушка. – Ваш трухлявый отель буквально кишит крысами!

Лицо директора стало лиловым.

– Нет в моём отеле никаких крыс! – взвизгнул он.

– Но я сама видела одну сегодня утром, – отвечала бабушка, – и, представьте, она мчалась по коридору прямёхонько на кухню.

– Не может быть! – воскликнул директор.

– Вам лучше обзавестись мышеловками, и побыстрее! – не уступала бабушка. – И поторопитесь, пока я не отправила жалобу в Комитет общественного здравоохранения. Боюсь, что ваши крысы прекрасно чувствуют себя на кухне, где им дозволено носиться наперегонки, воровать продукты с полок и залезать в кастрюли с супом!

– Не может быть! – снова вскричал мистер Стрингер.

– Теперь я понимаю, почему мне к завтраку подали обгрызенные со всех сторон тосты, – безжалостно добивала директора моя непреклонная бабушка. – Поэтому-то все тосты воняли мышами. Так что, если вы не позаботитесь о порядке, Комитет может принять решение о закрытии отеля, пока никто из проживающих здесь не подхватил брюшной тиф.

– Вы говорите это серьёзно, мадам? – совсем другим голосом произнёс директор.

– В жизни я не была так серьёзна! – отвечала бабушка. – Ну, так что, разрешаете вы моему внуку держать в комнате белых мышек или нет?

Директор понимал, что его положили на лопатки.

– Мадам, – сказал он, – а что, если я предложу вам пойти на компромисс? Пусть мышки живут в комнате мальчика, но только в клетке. Как вы посмотрите на это?

– Это нас вполне устраивает, – строго ответила бабушка, гордо поднялась и, сопровождаемая мною, вышла из кабинета.

Но сидящих в клетке мышей нельзя обучать никаким трюкам. И всё же я не выпускал их на свободу, потому что горничная постоянно за мной следила. У неё был ключ от моей комнаты, и она врвалась ко мне всегда неожиданно, надеясь застать мышек, выпущенных из клетки. Она обещала, что, если я нарушу наш уговор с директором, одну из мышек швейцар тут же утопит в ведре с водой. Я начал подумывать о том, где бы мне найти укромное место для занятий с моими мышами. Не может быть, чтобы в таком огромном здании не нашлось пустой комнаты. Я положил своих питомцев в карманы брюк и отправился бродить по отелю в поисках укромного места.

На первом этаже был целый лабиринт из каких-то помещений для разных общественных мероприятий. Я обнаружил там комнату отдыха,

курительную, комнату для карточных игр, читальный зал, комнату для рисования. Правда, пустыми они не были. Потом я пошёл по широкому длинному коридору, в конце которого увидел надпись: «Зал для игры в мяч». Напротив двойной двери, ведущей в зал, висела доска объявлений. Я прочитал одно из них:

КОПЖД

Только для участников собрания.

Помещение зарезервировано для ежегодных встреч членов Королевского общества за предотвращение жестокости к детям.

Дверь оказалась приоткрытой, и я заглянул внутрь. Комната показалась мне огромной. Перед сценой стояли рядами стулья, их было бесчисленное количество. На сиденьях лежали красные кожаные подушечки, а сами стулья отливали позолотой. И здесь не было ни души!

Бочком, бочком я осторожно протиснулся в дверь. Какое прекрасное тайное убежище, как раз то, что нужно! Наверное, собрание КОПЖД состоялось накануне, а сегодня его участники разъехались по домам. Но даже если это и не так и они вдруг появятся здесь, разве эти удивительно добрые люди обратят внимание на маленького дрессировщика мышей, занятого своим делом?

В глубине помещения я заметил высокую ширму, расписанную китайскими драконами. Я сразу же решил, что самое безопасное место – за ширмой. Там я устроюсь и начну дрессировку мышей.

Я не испытывал никакого страха при мысли о членах Королевского общества, которые против проявления жестокости к детям. Я опасался лишь внезапного появления мистера Стрингера. Если только директор войдёт в эти двери и увидит меня здесь, я даже пикнуть не успею, как мои бедные мышки расстанутся с жизнью в ведре швейцара!

Я прошёл на цыпочках через весь зал и расположился за ширмой на толстом зелёном ковре. Здесь было просто отлично! Идеальное место для моих упражнений.

Я достал из карманов Вильяма и Мэри и посадил их на ковёр, они сидели тихо и послушно. Сегодня я намеревался обучить их лазать по натянутому шнуру. Вовсе нетрудно научить умную мышку хорошо исполнять этот трюк, но только при условии, что вы знаете, как это делать. Во-первых, нужен шнур или верёвка. Верёвка у меня была. Кроме того, вам потребуется кусок кекса. Любимое лакомство белых мышей – это чёрносмородиновый кекс, они по нему просто сходят с ума! Я захватил с собой слегка засохший кекс, который позавчера подавали нам к завтраку. А теперь сделайте вот что: туго натяните верёвку, но для начала руки нужно развести на ширину трёх дюймов [2], не больше. Затем посадите мышку на правую руку, держа в левой руке кусочек кекса. Находясь так близко от лакомства, мышка видит кусочек и ощущает его аромат.

И вот движение вперёд и... она уже готова схватить кекс, но не тут-то было! Оказывается, чтобы добраться до ароматного ломтика, надо сделать ещё два шага. Всего два шага по туго натянутой верёвке. Мышка рискует двинуться вперёд, она ставит на верёвку одну лапку, потом другую. Если мышка хорошо держит равновесие, а большинство из них очень ловкие, то очень скоро она осваивает этот трюк.

Я решил начать с Вильяма. Он без колебаний рванул по верёвке прямо к кексу. Я позволил ему откусить маленький кусочек, чтобы возбудить у него аппетит, а потом снова посадил его на правую руку.

В следующий раз я сделал натянутую верёвку чуть длиннее. Я развёл руки дюймов на шесть в стороны. Но Вильям уже всё понял. Великолепно балансируя, он шаг за шагом прошёл по всей длине верёвки к своей цели. Я вознаградил его ещё одним кусочком кекса.

Вскоре он мог пробежать по натянутой верёвке целых двадцать четыре дюйма! Я с восторгом следил за его успехами. По всему видно, что и Вильям играет с удовольствием. Я старался держать верёвку невысоко над полом, чтобы в случае падения он не ушибся. Но он ни разу не сорвался вниз. Он балансировал на верёвке как настоящий акробат. Великий мышонок на натянутой верёвке!

Когда пришла очередь Мэри, я посадил Вильяма на ковёр возле себя и насыпал ему побольше сладких крошек. И приступил к занятиям с Мэри. Ведь моим страстным желанием было однажды Цирк белых мышей, стать

его директором, хозяином. Я не раз представлял миниатюрную сцену, крошечный красный занавес на ней. Вот занавес рас крывается, и публика видит прославленных на весь мир мышек. Они носятся по натянутому шнуру, качаются на трапециях, крутят сальто в воздухе, прыгают с трамплинов и делают ещё много чего забавного.

Я хотел бы научить белых мышек ездить верхом на белых крысах, которые носились бы по сцене, как лошади, в бешеном галопе, круг за кругом. В мечтах я уже видел себя путешествующим на поездах первым классом по всему миру вместе со своим прославленным цирком. Наша труппа даёт представления повсюду и даже выступает перед королевскими семействами.

Мы с Мэри уже добились кое-каких успехов, как вдруг я услышал голоса. Они звучали где-то за дверью, но становились всё громче. Шум нарастал, как будто множество сильных глоток производили его. Среди общего гула я расслышал голос ужасного мистера Стрингера, директора отеля.

– Господи, помоги мне, – прошептал я.

И ширма меня спасла. Я весь сжался, подглядывая за происходящим в щёлочку между двумя складными створками. Мне было видно почти всё пространство огромного зала, но сам я оставался в укрытии.

– Ну вот, милые леди, надеюсь, здесь вам будет удобно, – произнёс директор, появляясь в дверях в своём чёрном фраке. Он с важностью развёл руками, словно приглашая столпившихся дам войти. – Если вам что-нибудь понадобится, – продолжал он, – немедленно дайте мне знать. После окончания вашей встречи на Солнечной веранде для вас будет сервирован чай.

Поклонившись, директор удалился, а в комнату стремительным потоком хлынули представительницы Королевского общества за предотвращение жестокости к детям. Все они были одеты в красивые платья, а их головы украшали прелестные шляпки.

Собрание

И хотя директор вышел из зала, я не очень-то беспокоился. Что может быть лучше, чем оставаться в помещении, заполненном милыми дамами, озабоченными вопросами жестокого обращения с детьми? Вообще-то я мог бы

и заговорить с ними и даже попросить их посетить нашу школу – чтобы они увидели, как там обстоят дела. Они могли бы оказать нам кое-какую помощь.

А между тем леди всё входили и входили, непрерывно болтая о чём-то. Они толпились в проходах между рядами, отыскивали свои места, и отовсюду слышались их возгласы:

– Иди сюда, садись со мною рядом!

– Милая, дорогая!

– О, привет, Беатрикс! Я тебя не видела с нашего последнего собрания!

– Какое у тебя прелестное платье!

Я всё же решил, что останусь в своём укрытии, пусть они проводят собрание, а я буду тихонько дрессировать мышек. А пока я наблюдал за дамами, подглядывая в щёлку ширмы. Сколько же их здесь? Я прикинул, что не менее двух сотен.

Они все словно стремились устроиться как можно дальше от сцены. Я обратил внимание на одну из них, в крохотной зелёной шляпке, она тоже примостилась где-то в последнем ряду зала. Эта леди непрерывно почёсывала свою шею. Меня удивило, что она буквально не опускала руку, а всё время скребла свою шею и волосы над ней. Если бы она только знала, что за ней наблюдают, она бы, наверное, очень сконфузилась. Может быть, она страдала от перхоти?

И вдруг я заметил, что ещё одна дама в последних рядах занята тем же. И ещё одна! Боже, и ещё! И ещё!

Оказывается, очень многие сидели, почёсываясь. Некоторые из них скребли свои волосы, как сумасшедшие, другие чесали свои шеи и затылки. Я даже подумал о блохах и вшах. У нас в школе был один неопрятный мальчик Эштон, так его заставили промыть волосы скипидаром, и ничего такого с ним не случилось, зато голова у него стала чистой. Меня уже начала беспокоить эта всеобщая страсть к почёсыванию.

Ужасно забавно наблюдать за человеком, который делает что-то не совсем пристойное и не подозревает, что кто-то его видит. Ведь непрерывно почёсывать свою голову на людях не будешь, это не очень приятное зрелище.

И тут произошло нечто потрясающее. Одна леди, скребя свою голову, запустила пальцы прямо под волосы. И при этом копна волос на её голове слегка приподнялась! И тут я догадался, что под волосами леди почёсывает свой череп.

На ней был парик! И руки – в перчатках! Почему я раньше этого не заметил! Я окинул быстрым взглядом всё собрание, и вдруг в глаза мне бросилось, что все дамы – в перчатках.

Кровь в жилах моих заледенела. Меня била мелкая дрожь. Я с ужасом оглядел весь зал для игры в мяч, в надежде найти хоть какую-нибудь дверь, чтобы выскользнуть отсюда незамеченным. Но никаких других дверей не было!

Может, попробовать выскочить из-за ширмы и стремительно рвануть к главному выходу? Но двери уже закрыты, и возле них какая-то женщина! Тут я увидел, как она наклонилась и связала ручки дверных створок металлической цепочкой.

«Спокойно, – сказал я себе. – Ведь тебя ещё не заметили. Им просто незачем заглядывать за эту ширму».

Но я прекрасно понимал, что малейший звук выдаст меня. Тихое покашливание, шмыганье носом или ещё что-нибудь подобное – и я в лапах этих двухсот существ! На миг мне показалось, что я теряю сознание. Сколько всего сразу на меня свалилось! Разве под силу одному мальчику справиться с этим?

Но когда я понял, что мне отсюда не выбраться, я улёгся на ковёр и притих. Слава богу, что меня скрывала ширма! Вокруг стояла абсолютная тишина. Преодолевая свой страх, я всё же взглянул в щёлочку ещё раз и увидел, что...

Поджаренный, как лепёшка

Я увидел, что все женщины, то есть все ведьмы, сидели на своих местах и смотрели, словно загипнотизированные, в одну точку.

На сцене кто-то появился. Это тоже была женщина. Сначала меня поразили размеры её тела: она была очень маленького роста, не более чем четыре с половиной фута!

[3]Она показалась мне молодой, лет двадцати пяти, и очень симпатичной. На ней было элегантное чёрное платье, спускавшееся до полу, и тёмные длинные, почти по локоть, перчатки. В отличие от всех присутствовавших, шляпу она не носила.

Она совсем не походила на ведьму. Но всё же это была настоящая ведьма! Иначе что бы она делала здесь? И почему, чего ради собравшиеся смотрят на неё с благоговейным ужасом и восхищением?!

И тут леди, стоявшая на сцене, неторопливым движением поднесла руки к своему лицу. Я заметил, что её затянутые в перчатки пальцы словно отстегнули что-то за ушами. И вдруг, о ужас! Она потянула себя за щёки и сняла с головы своё лицо! Теперь её прежде хорошенькое личико болталось у неё в руке. Да это была маска!

Сняв её, ведьма оглянулась и бережно положила на маленький столик, стоявший позади, а когда снова повернулась, я зажал себе рот руками, чтобы от ужаса не закричать.

Нечто, напоминавшее лицо, было высохшим, сморщенным, измятым, словно промаринованным в уксусе, и имело отвратительный вид. И вообще производило впечатление разлагающейся, гниющей материи.

Особенно мерзко выглядело это нечто по краям, впрочем, и рот, и щёки были тоже отвратительны. Мне даже показалось, что кое-где её новое лицо потрескалось и словно изъедено червями.

Иногда, стоит чего-то испугаться, и вас словно парализует. И это случилось со мной сейчас. От ужаса я не мог сдвинуться с места. Я словно оцепенел. Я не мог пошевелиться, а мой взгляд был прикован только к лицу этой женщины. Но вот что поразило меня больше всего – это змеиный взгляд, которым она злобно окидывала всё собрание.

Я, разумеется, сразу догадался, что передо мной сама Великая старшая ведьма. Понял я и то, почему она носила маску. Ведь в своём естественном обличье она вряд ли смогла бы показаться на людях или, например, заказать номер в отеле. Любой, увидевший её, от страха с воплем тотчас убежал бы.

– Двери! – приказала Великая старшая ведьма голосом, который заполнил собой всё свободное пространство и эхом отлетел от стен. – Двери на засове? Цепи закреплены?

– Да, ваше величество! – отозвался чей-то голос.

Сверкающий змеиный взгляд немигающих глаз, глубоко посаженных на её источенном червями лице, скользил по сидевшим перед ней ведьмам.

– Можете снять перчатки! – приказала она.

Я явственно услышал в её голосе тот металлический призыв, который поразил меня в голосе незнакомой леди, стоявшей тем вечером в нашем саду, под каштаном, на котором я сидел. Её голос скрипел и дребезжал, и в то же время она как будто порывивала, а в некоторые мгновения – и взвизгивала.

Сидящие в зале стали стягивать перчатки. Мне хорошо были видны руки ведьм, находившихся в задних рядах. Мне хотелось убедиться в том, что моя бабушка была права, говоря об их пальцах.

О, да! Всё было именно так. Я увидел коричневые крючковатые когти на концах длинных пальцев. Они были не меньше двух дюймов в длину! И какие же это были острые когти!

– Можете снять и туфли! – пролаяла Великая старшая ведьма.

Я услышал всеобщий вздох облегчения, пронёсшийся над залом: ведьмы сбрасывали со своих ног узконосые туфли на высоких каблуках. Я бросил взгляд под кресла и вправду увидел широкие беспалые ступни. Они вызвали у меня неприятные ощущения.

– Можете снять парики! – прорычала Великая старшая ведьма.

Манера говорить у неё была довольно странная, и мне слышался в её речи иностранный акцент, какие-то грубые гортанные звуки, к тому же некоторые звуки ей не давались, и она произносила их с видимым усилием. Например, звук «р» она долго и неумело катала во рту, как кусочек хрустящей мясной корочки, и только потом словно выплёвывала его: р-р-р.

– Снимайте парики, пусть воздух освежит ваши головы, – прорычала она.

Над рядами снова пронёсся вздох облегчения. Все руки поднялись вверх, и в воздух взлетели парики с сидящими на них шляпками. Я с ужасом смотрел на ряды возвышавшихся над стульями лысых голов, целое море обнажённых черепов. Они казались мне воспалёнными, покрасневшими от натиранных кожу подкладок париков.

Я просто не в силах передать своё впечатление от этого ужасающего зрелища! И всё же было что-то карикатурное в этих лысых леди с квадратными беспальными ступнями: ведь одеты они в великолепные платья. Картина была чудовищной!

«Господи, смилуйся надо мной! Помоги мне! – взмолился я мысленно. – Ведь эти мерзкие безволосые существа, все до единой, детоубийцы! А я здесь, среди них, словно заточён в тюрьме, из которой не выбраться!»

И в эту минуту ещё более ужасная мысль пронзила меня. Я вспомнил рассказ бабушки об их чутких носах с особенными ноздрями, которые способны распознать ребёнка, даже если он находится на другом конце улицы. Всё, что она говорила прежде, оказалось правдой. Поэтому я допускал, что кто-то из ведьм в последних рядах непременно меня учует, тогда комнату сотрясёт её пронзительный визг, а меня загонят в угол, как крысу. Я весь сжался в комок, боясь дышать.

Но тут мне вспомнилось кое-что ещё из бабушкиных историй о ведьмах. «Чем неопрятнее и грязнее ты будешь, тем труднее ведьме тебя учуять» – так она говорила. Я начал вспоминать, когда в последний раз принимал ванну. Не так давно. Я жил в отдельной комнате, и бабушка не вмешивалась в такие мелочи моей жизни. Выходит, последний раз я мылся в день приезда.

А когда же умывался? Точно, не сегодня утром. Может, вчера? Я посмотрел на свои руки – они были грязными, в каких-то подозрительных пятнах и разводах. Значит, у меня оставался шанс избежать расправы. Как говорила бабушка, флюиды моего тела не пробьются сквозь такие слои грязи. («Вонька» – так называют их ведьмы.)

Между тем Великая старшая ведьма хрипло воззвала:

– Ведьмы Инкландии!

[4](Я заметил, что ни парика, ни перчаток, ни узконосых туфель она не сняла. Ведьмы задвигались на своих местах, выпрямляя спины.) Несчастные ведьмы Инкландии! – продолжала Великая старшая ведьма. – Беспольные, ленивые создания! Жалкие бездельницы! Вы – не больше чем кучка ничтожных червей!

Заметная дрожь пробежала по рядам. Ведьмы поняли, что их Великая предводительница находится не в лучшем расположении духа. Мне же снова пришла в голову мысль, что вот-вот произойдёт что-то ужасное.

– Когда сегодня утром во время завтрака я поглядела в окно, то я увидела... Как вы думаете, что я увидела? Это было возмутительное зрелище: на песке у моря играли тысячи мерзких, отвратительных детей! У меня мгновенно пропал всякий аппетит!!! – Эту фразу она буквально провизжала. – Почему бы вам не заняться этими мерзкими, вонючими существами?!

С каждым словом из её рта вылетали брызги бледно-голубой слюны.

– Так почему же, снова спрашиваю вас я? – прорычала ведьма.

Все молчали.

– От детей дурно пахнет, – продолжала она рычать. – Мир отравлен этой вонью, а вы не замечаете их, хотя они окружают нас повсюду!

Лысые головы разом закивали, словно соглашаясь с Великой предводительницей.

– Один ребёнок в неделю, – продолжала она, – разве это много? И это всё, на что вы способны?!

От её крика у меня звенело в ушах.

– Мы постараемся... Мы будем активнее... – забурчала испуганная публика.

– Постараемся... – снова взвизгнула их предводительница. – Это всё пустые слова. Я требую от вас максимальных усилий! Это мой приказ! Я приказываю очистить эту страну от вонючих детей. Их нужно стереть с лица земли! Растоптать! Разорвать на клочки! Ясно ли я выражаю свои мысли?

Глубокий вздох пронёсся над головами собравшихся. Я заметил быстрые испуганные и взволнованные взгляды, которыми обменивались ведьмы. И тут одна из них, из первых рядов, громко выкрикнула:

– Да, да! Уничтожить! Но ведь всех мы уничтожить не сможем!

Великая старшая ведьма быстро обернулась на этот выкрик, словно получила сильный удар шпагой.

– Кто это сказал? – огрызнулась она. – Кто смеет возражать мне? Это ты, не так ли?

Затянутым в перчатку пальцем, острым как игла, она ткнула в сторону одной из ведьм.

– Я не это имела в виду! – вскрикнула та. – Я не хотела вам возражать. Я просто рассуждала... вслух.

– Неправда! Ты посмела спорить со мной! – взвизгнула Великая ведьма.

– Нет, нет! Я говорила сама с собой! – почти рыдала несчастная. Она уже дрожала от страха. – Клянусь вам!

Великая старшая ведьма сделала медленно два шага вперёд, и, когда она заговорила, я оцепенел.

– Та ведьма, что хоть раз мне надерзит,

Пускай горит, пускай горит,

Пускай сгорит! -

продекламировала она, взвизгивая.

– Нет, о нет! – взмолилась бедная ведьма из первых рядов.

Но Великая старшая ведьма безжалостно продолжала:

– И если ведьма разума лишится,

Пускай в огне с шипеньем растворится!

– Помогите! Спасите! – Несчастная ведьма так завопила, что на секунду мне стало её жаль.

Но Великая старшая ведьма даже не взглянула в её сторону и продолжила свою декламацию:

– И если не умеет жить умом,

Пусть станет мяса жареным куском!

– Простите меня, ваше величество! – вопила невольная преступница. – Я ничего такого не хотела!

Но страшная декламация продолжалась:

– На дерзость отвечаю только так:

Уйди от нас навеки. Ты – нам враг!

И в тот же миг поток сверкающих искр, похожих на мелкие, добела раскалённые металлические стружки, брызнул из глаз Великой ведьмы в сторону ослушницы. Я увидел, как эти искры ударились о её тело, впились в него, от чего она ужасно завизжала. Облако дыма окружило её, и запах действительно чего-то жареного взвился в воздух.

Зал оцепенел. Все, как и я, с ужасом наблюдали за жестокой расправой. Когда всё кончилось, я увидел пустой стул. Только крохотное белое облачко поднималось над ним, исчезнув через мгновение в щели окна. Тяжёлый вздох пронёсся по рядам. Да, вместо сидевшей там женщины – только комочек материи, поджаренный, как лепёшка, а потом – это исчезнувшее облачко.

Великая старшая ведьма окинула зал своим змеиным взором.

– Надеюсь, больше никто из вас не намерен перечить мне! – заметила она жёстко.

Ответом ей была мёртвая тишина, повисшая в зале.

– Учтите, поджарим, как лепёшку, приготовим, как тушёную морковку, и больше вы её не увидите. Ну, а теперь займёмся делом.

«Формула-86 замедленного действия Создатель мышей»

– Дети возмутительны! – громче обычного взвизгнула Предводительница. – Мы должны стереть их с лица Земли! Уничтожить! Утопить их в канавах!

– Да, да! – завыли в унисон сидевшие в зале. – Стереть с лица Земли. Утопить в канавах!

– Дети слишком подлые существа! – гремела со сцены Великая ведьма.

– Дети грязные, от них дурно пахнет, – рычала она.

– Да, да! Правда! Правда! – вторил ей с ещё большим воодушевлением хор английских ведьм.

– От них пахнет собачьим дерьмом! – зловещий хрип со сцены повис над собравшимися.

– У-у-у! – завыли лысые леди. – Собачье дерьмо пахнет лучше!

– Это букет фиалок в сравнении с ними! – продолжала рычать Великая ведьма.

– Букет, букет! – выли ей в ответ ведьмы в зале, с восторгом встречавшие каждое слово со сцены.

Казалось, Предводительница полностью подчинила их своей воле.

– Мне больно говорить на эту тему! Мне больно даже думать о детях! – продолжала визжать она.

Здесь она сделала паузу и оглядела зал горящими глазами. Затихшие ведьмы в молчаливом нетерпении чего-то ждали от неё.

– Так вот, слушайте мой план, – начала она. – Это грандиозный план уничтожения всех детей в этой стране!

Зал затаил дыхание. Некоторые из ведьм обменивались дьявольскими ухмылками, выражающими восхищение.

– Да, – гремело со сцены, – одним ударом мы заставим их исчезнуть навсегда из этой страны!

– У-у-у! – снова в восторге завыли лысые ведьмы. – Вы великолепны, ваше величество! Вы фантастичны!

– Заткнуться всем! – раздался визгливый приказ. – Слушайте внимательно: на этот раз мы не можем позволить себе промахнуться!

Лысые леди подались вперёд в нетерпеливом желании поскорее услышать подробности колоссального «плана».

– Вы все немедленно вернётесь в свои города, в те места, где живёте. Там вы все увольняетесь со своей работы. Ясно? Все, абсолютно все, уходят в отставку!

– Ясно-о-о! – взвыли ведьмы.

– И после этого, – медленно продолжала Великая ведьма, – и... после этого... вы... покупаете... кондитерские... магазины!

– Ясно, ясно! – закивали ведьмы. – Какая смелая мысль! Какая остроумная ловушка!

– Вы покупаете самые лучшие магазины! Самые модные, самые роскошные в этой стране!

– Да, да! – неслось в ответ из сотен отвратительных глоток.

– Имейте в виду, это не должны быть какие-нибудь грошовые магазинчики, жалкие лавчонки, где продаются и сладости, и газеты, и табак! Нет! Только всё самое лучшее! Шикарное! Роскошное! Чтобы там всё блестело, а полки ломились от тысяч сортов конфет и шоколада!

Сделав паузу, Великая старшая ведьма продолжала расписывать свой грандиозный, фантастический план.

– Трудностей с покупкой магазинов у вас не будет. Предлагайте цены вчетверо выше тех, что стоят магазины. Ведь для нас, ведьм, деньги – не проблема, вам это известно. У меня с собой шесть чемоданов, набитых английскими банкнотами, новыми, хрустящими... – В этот момент она хитро и злобно подмигнула залу. – Домашнего приготовления, – добавила она.

Ведьмы осклабились в ответ на шутку своей Предводительницы, заухмылялись, скаля зубы.

И тут одна из глупышек, пришедшая в восторг при мысли, что она станет хозяйкой богатой кондитерской, вскочила и выкрикнула:

– Я знаю, дети толпами потащатся в мой магазин, чтобы купить у меня отравленные конфеты, и тут-то они и попадутся!

Все замерли.

Я заметил, что и крошечное тельце Великой старшей ведьмы словно одеревенело, она напряглась, разрываемая изнутри гневом.

– Кто это сказал? – гаркнула она. – Это ты?!

Новая невольная преступница быстро опустилась на свой стул, закрыв лицо когтистыми руками.

– Ты, болтливая чурка с глазами! – загремела Великая ведьма. – Безмозглая тупица! Ты не можешь понять, что, продавая отравленные

сладости детям, ты через пять минут сама попадёшь в капкан! В жизни своей не слыхала большего вздора! Да ещё от ведьмы!

Сидевшие в зале съёжились, словно от холода. Я думаю, они все ожидали новой расправы, но ничего не произошло.

– Уж если ты не в состоянии придумать ничего лучше подобной чепухи, то не удивляюсь, что Англия кишит этими противными детьми,- заключила Великая ведьма. – Разве вы все забыли, – продолжала она, – что мы, ведьмы, владеем магическими способами устранения детей? – обратилась она с горящим взором к залу.

Лысые головы яростно закивали в ответ. Довольная Великая ведьма потёрла свои руки. Впрочем, тьфу, не руки, а костлявые лапы, обтянутые перчатками.

– Итак, представьте, что у каждой из вас есть своя роскошная кондитерская. Для начала вы помещаете в витрине яркое объявление о торжественном открытии торговли, – с раздачей детям бесплатных подарков. Их родители, эти тупые прожорливые животные, сами приволокут к вам своих детей. Они ещё будут толкаться в дверях, чтобы попасть к вам первыми, вот увидите! А затем вы хорошенько приготовитесь к этому дню. Каждое лакомство вы наполните моим новым коктейлем. Это «Формула-86 замедленного действия – Создатель мышей».

Ведьмы радостно взвыли, повторяя, как заклинание, название формулы.

– Она снова что-то придумала! – громко восхищались они. – Её величество печёт свои новые волшебные рецепты, как олады. Новые! Новые магические формулы уничтожения! Как это вам удаётся, ваше величество?! О! Волшебница!

– Потерпите, – ответила польщённая изобретательница. – Я объясню, в чём смысл моего нового изобретения. Будьте внимательны.

В нетерпении ведьмы вскакивали со своих мест, садились и снова вскакивали.

– «Формула-86» – это зелёная жидкость. Для одной конфеты или плитки шоколада достаточно всего одной капли. И тогда произойдёт следующее: ребёнок съедает лакомство с каплей моей «Формулы-86 замедленного

действия»... Он идёт домой в прекрасном настроении... Он спокойно ложится в постель вечером... Утром он чувствует себя просто великолепно... В отличном расположении духа он идёт в школу... Вы поняли, что означает «Формула-86»?

Ответом были восторженные вопли зала:

– О великая! О разумная!

Великая ведьма торжественно продолжала:

– Действие моей «Формулы» начнётся ровно в девять часов утра, когда ребёнок приходит в школу! Неожиданно его тело начинает сморщиваться, съёживаться, покрываться шёрсткой. Появляется тонкий хвостик, но всё это длится не более двадцати шести секунд. На двадцать седьмой секунде перед нами уже не ребёнок, а... мышь!

Слушатели вновь восторженно завывали и заорали.

Великая ведьма продолжила:

– И вот классы наполняются мышами, начинается хаос! Повсюду в школах крошечный ад!!! – Великая ведьма уже сама орала во всю глотку, увлечённая своим рассказом. – Все будут носиться взад-вперёд, учителя полезут на парты, задирая юбки и визжа от страха, как поросята! Над всей страной повиснет вопль: «На помощь!»

Сидящие в зале, уже не зная, как выразить свой восторг, топали ногами и аплодировали, стуча когтями.

– И что же случится потом? – Великая ведьма вытянула вперёд тощую шею и оглядела сидящих, медленно растягивая губы в зловещей ухмылке, обнажившей зубы в лиловых пятнах. – А потом пойдут в ход мышеловки, – выпалила она с победоносным видом, – мышеловки и сыр! Именно учителя начнут бегать повсюду в поисках мышеловок, и они же начнут их сыром и расставят в классах и коридорах! Мышеловки начнут свою «стрельбу» тут и там – щёлк-щёлк! И покатаются, как шарики, мышинные головки! По всей стране! Только и будет слышно: щёлк-щёлк!

И тут, не удержавшись, Великая старшая ведьма пустилась в пляс. Она прихлопывала тощими руками и притопывала каблучками. Аудитория в

экстазе присоединилась к ней. Начался такой шум и гам! Я был уверен, что вот-вот появится директор и забарабанит в дверь. Но он не пришёл.

Вдруг среди этого шума я расслышал какой-то особенно злорадный визг и вой, и даже начал различать отдельные слова. Оказывается, это пела Великая старшая ведьма. Вот её песня:

Мы одолеем их! По ним ударим!

Сотрём их навсегда с лица Земли!!!

Раздавим, и растопчем, и зажарим,

И разотрём останки их в пыли!

Наполним шоколад волшебным ядом,

Набьём карманы липким шоколадом,

Отправим их, объевшихся, домой,

Пусть крепко спят под наш весёлый вой!

А утром эти дурни и дурёхи

Отправятся по школам, как всегда,

Конфеток наших доедая крохи,

И не вернуться больше никогда!

Ах! Бедной девочке становится так плохо!

Ох! Побледнела, сморщилась, пищит!

Глядит назад, а у неё, дурёхи,

Мышиный хвост под платицем торчит!

Ах! Бедный мальчик, шёрсткою покрытый,

Кричит: «На помощь!» Но его друзья

О том же молят, горем все убиты,

Зато смеюсь и торжествую Я!

Вчерашний дылда, самый длинный в классе,

Становится всё меньше. Вместо ног
Четыре тонкие лапки... В общей массе
Мышей тебя не различить, сынок!
Нет больше школьников и школьниц. На полу
Толпа мышей, дерущихся за крошки...
Один учитель взялся за метлу,
Учительница – прыгает в окошко...
Но кто-то уже мчится в магазин,
Летит домой: «Скорее! Мышеловку!»
А кто-то сыр насаживает ловко...
Род человеческий в несчастиях един...
«Всех изловить! Очистить дом от скверны!» -
Шум, гам и крик... Не слышен писк мышей,
Молящих о пощаде. Взрослым, верно,
И не узнать вчерашних малышей
В созданных серых... Радуюсь, как дети,
Считают щёлканья смертельные и тут
И там, сметая на рассвете
Мышей несчастных! Горы их растут...
И радость ведьм растёт с минутой каждой!
А детских голосов уж не слышать
По всей стране... Но нас всё мучит жажда:
Уничтожать! Скорей уничтожать!
Назавтра в школах тишина немая.
Учителя всё ждут и ждут детей...

Их нет как нет... А ведьмы пролетают

Над школой, полной трупами мышей...

Рецепт

Думаю, вы не забыли, что всё время, пока происходили эти события, я, как пленник, сидел за ширмой на коленках, буквально прилипнув к щёлочке в ширме. Мне казалось, что я сижу там целую вечность, а время совсем остановилось!

Самыми ужасными во всём этом были моя почти полная неподвижность и моё абсолютное безмолвие – ведь легчайший шорох с моей стороны грозил мне гибелью. И всё это время я пребывал в состоянии ужаса: ведь стоило одной из ведьм в последних рядах принюхаться получше, и я был бы обнаружен в тот же миг!

Я молился о спасении, вспоминая, сколько времени я не мылся и не умывался. Я уповал и на постоянное возбуждение аудитории: они кричали, шумели, аплодировали, в общем, были заняты только собой. Их волновало только происходящее в зале – рычащая на сцене Великая старшая ведьма, её проклятия и угрозы в адрес отдельных леди и грандиозный проект уничтожения английских детей. Похоже, им не приходило в голову принюхаться к тому, что их окружало. И вряд ли в своих мечтах (впрочем, не уверен, что ведьмы мечтают) они могли представить себя и ребёнка рядом, в одной комнате. Мне оставалось только быть тише своих мышек и молиться.

Наконец отвратительные вопли со сцены, означавшие, что Великая ведьма поёт, закончились. Аудитория зааплодировала и начала всячески безумствовать, изъясняя свой восторг. Они визжали:

– Bravo! Блестяще! Чудесно! О Мудрая! Это гениально!

Некоторые заходили в своей мерзкой лести ещё дальше:

– О! Это победа! Это гениальный план! О гениальное средство «Создатель мышей»! Ха-ха-ха! Учителя сами возьмутся за уничтожение маленьких вонючек! А мы умываем руки! Нас никто не поймаёт!

– Нас никто не поймает! Ведьму поймать нельзя! – прогремело со сцены.
– А теперь слушайте, слушайте все! Я открою вам план подготовки к воплощению «Формулы-86»!

И вдруг в зале раздались какие-то хрипы, вздохи, как будто бы кто-то задыхался. Гул многих голосов начал переходить в пронзительный всеобщий крик, затем в долгий испуганный визг. Ведьмы вскакивали со стульев, тыча когтистыми пальцами в сторону сцены:

– Смотрите, мыши! Она показывает нам свой план! Мудрая превратила в мышей двух детей! Вон они! Бегут!

Я глянул на сцену, и сердце моё оборвалось: там, вокруг длинной юбки Великой старшей ведьмы, носились две мышки. Но это были не полёвки, не обычные домашние мышки, они были беленькие. Конечно, я сразу узнал их, моих дорогих Вильяма и Мэри.

Аудитория в это время была от восторга:

– Наша Предводительница показывает нам пример! Скорее за мышеловками! Бегом за сыром!

Но от меня не укрылось замешательство Великой: она уставилась на пол с явным изумлением, даже наклонилась, чтобы рассмотреть моих мышек получше. Потом неожиданно резко выпрямилась и гаркнула:

– Тихо!

Мгновенно наступила оглушительная тишина.

– Эти мыши – не моя работа, – объявила Великая старшая ведьма. – Это чьи-то ручные мыши! И наверняка в отеле живёт их хозяин, какой-нибудь мерзкий мальчишка!

Ведьмы в зале согласно закивали:

– Да, мальчишка, ведь девчонки боятся мышей! И тут они завыли, как весенние коты на крыше:

– Мальчишка, у-у-у! Мы его пристукнем! Мы его прихлопнем!

– Молчать! – снова гаркнула Великая ведьма со сцены, подняв руки. – Мы не должны привлекать к себе излишнее внимание. Помните, что в отеле мы –

уважаемые дамы из Королевского общества за предотвращение жестокости к детям, не так ли? И избавиться от этого маленького, дурно пахнущего наглеца мы должны тихо-тихо, незаметно-пренезаметно.

«А ведь они говорят обо мне», – догадался я. Лоб мой покрылся испариной: я представил себе, как они вполне реально могут расправиться со мной. Под злорадные выкрики ведьм моему воображению представились ужасные картины, и на душе стало совсем муторно.

А между тем мои милые Вильям и Мэри продолжали носиться кругами возле ног Великой старшей ведьмы, которая явно вознамерилась как следует пнуть их. Она ловко подцепила бедного Вильяма острым носком туфельки и швырнула его высоко в воздух. Туда же полетела и его подружка.

«Ну и удар! – подумал я. – Вот кому надо бы играть в футбол!»

Мышки ударились о стену и, оглушённые, несколько минут валялись на полу, как мёртвые, а потом удрали.

– Слушайте внимательно! – раздался опять рык со сцены. – Слушайте и запоминайте рецепт приготовления моего коктейля «Формула-86 замедленного действия»! Итак, вот рецепт моего «Создателя мышей».

Лысые леди зашевелились, начали открывать дамские сумочки, доставая блокноты и авторучки.

– Прежде всего, – начала предводительница, – мне потребовался компонент, способный уменьшить детей до нужных размеров. Вы думаете, что это очень сложно? – ехидно спросила она.

Лысые леди испуганно закивали головами.

– Ничуть! – торжествующе объявила Великая ведьма. – Оказывается, надо всего лишь взглянуть на ребёнка в перевёрнутую подозрную трубу.

– О! – завyli ведьмы в зале. – Кто бы мог придумать такое!

– Но это ещё не всё! – грубо оборвала их восторги Великая ведьма. – Обратный конец подозрной трубы надо кипятить не меньше двадцати часов, пока он не станет мягким. А пока он варится, вы ловите сорок пять коричневых мышек, ножом отхватываете им хвосты и жарите эти хвосты в масле для лечения волос. Хвосты должны стать нежными и хрустящими.

– А мыши? Что делать с ними? – поднялись лыбые головы над блокнотами.

– Мыши? Ах, мыши... Ну, их надо просто выварить в течение часа в кастрюле с лягушачьей слизью. Но слушайте дальше! Это пока ещё часть приготовления моего снадобья. Главное – это такой наполнитель, который задержит действие «Форму-лы-86», отодвинет результат на несколько часов. Ребёнок проглотит угощение, но действие его компонентов проявится только в девять часов утра следующего дня!

– И как же вы это придумали? Откройте нам тайну! – зашумели ведьмы в зале.

Великая старшая ведьма окинула зал победным взглядом.

– Мой секрет прост, – с лицемерной скромностью объявила она. – Это будильник! Вы установите будильник вечером на нужное время, и ровно в девять утра следующего дня начнёт действовать смесь.

– Будильник для каждого ребёнка!? – раздались голоса. – Но ведь это же не меньше пяти миллионов будильников!

– Идиотки! – загремела со сцены Великая ведьма. – Когда вы хотите съесть бифштекс, разве вам нужна вся корова? Вам хватит одного будильника на тысячу детей. Вы установите время точно на девять часов утра и потом зажарите его, пока он не станет нежным и хрустящим. Все пишут за мной? – строго прикрикнула она.

Лыбые головы послушно закивали.

– Итак, вы берёте хорошенько сваренную подозрительную трубу, до хрустящих корочек обжаренные хвосты сорока пяти мышей, хорошо прожаренный будильник и закладываете всё это в миксер. Включаете его на максимальную скорость – и у вас готова густая паста. Добавьте к ней желток яйца аиста...

В зале поднялся шум. В задних рядах одна ведьма незаметно наклонилась к соседке:

– Я часто навещаю в птичьи гнёзда, но аист... ведь он устраивается всегда так высоко.

– Хорошенько взбейте всю массу, – тем временем продолжала Великая, – а потом осторожно вмешайте в неё клешню краба, клюв попугая, хобот муравьяда и язык крота, предварительно всё это измельчив до состояния мелкой пыли.

– Конечно, конечно, мы всё достанем, мы всё сделаем! – хором согласились слушавшие её ведьмы.

– Замечательно! – возрадовалась Великая ведьма. – И когда вы всё это хорошенько перемешаете в миксере, у вас получится зелёная жидкость волшебного оттенка. Запомните! Понадобится всего лишь капля моего коктейля для одной конфеты, для одной плитки шоколада! И ровно в девять часов утра следующего дня ребёнок, съевший нашу конфету, за двадцать шесть секунд превратится в мышь! Не давайте им больше одной конфеты, больше одной шоколадки. Если вы им дадите больше, то можете всё испортить! Тогда точное время действия «Формулы-86» сместится, и ребёнок чересчур быстро обратится в мышь. А ещё большая доза произведёт мгновенный эффект, но ведь вы не хотели бы этого, не правда ли? Видеть, как дети превращаются в мышей среди прилавков вашего магазина, – это только себя разоблачить! Так что будьте внимательны и осторожны! Ни одной лишней капли!

Исчезновение Бруно Дженкинса

Великая старшая ведьма опять начала вещать:

– А сейчас я хочу доказать вам, что мой рецепт безупречен и действие его совершенно. Вы можете завести будильник не обязательно на девять часов следующего утра. Ставьте его на любое время! Я решила продемонстрировать вам действие моей магической формулы прямо здесь и сейчас. Я завела будильник ещё вчера, установив его на половину четвёртого сегодняшнего дня, и потом зажарила по своей формуле. Она взглянула на свои ручные часики: – До начала эксперимента остаётся семь минут!

Все ведьмы пристально и молча глядели на неё в ожидании какого-то драматического события.

– И что же я сделала с моим чудесным коктейлем? Я капнула одну его каплю на плитку шоколада и угостила вчера ею одного противного мальчишку, который болтался в вестибюле гостиницы.

Великая ведьма сделала паузу, очевидно наслаждаясь нетерпеливым ожиданием и напряжением аудитории.

– Я наблюдала, – продолжала она, – как этот поросёнок жадно проглотил всю плитку, и даже поинтересовалась: «Вкусно?» – «Шикарно!» – ответил он. «Хочешь ещё?» – спросила я. «Конечно», – ответил он радостно. И я обещала ему ещё шесть шоколадных плиток, если он придёт завтра в зал для игры в мяч ровно в три часа двадцать пять минут пополудни. Он, конечно, завопил: «Я приду! Уж будьте уверены: я приду точно в это время». Так что начало положено! Не попробуем – ничего не узнаем. Не забудьте, что вчера, прежде чем поджарить будильник, я установила его на половину четвёртого этого дня. – Великая ведьма снова взглянула на свои часики. – Время! – воскликнула она. – Сейчас ровно три двадцать пять пополудни, и, наверное, наш прожорливый поросёнок уже стоит за дверью.

И она оказалась совершенно права: кто-то уже дёргал с той стороны за дверную ручку и дубасил в дверь кулаком.

– Скорее! – взвизгнула Великая. – Надеть парики! Туфли! Перчатки!

Начался невообразимый шум, ужасная возня с одеванием, и я увидел, что на сцене Великая старшая ведьма тоже приводит себя в порядок, натягивая своё лицо-маску. При этом она совершенно преобразилась, мгновенно превратясь в хорошенькую юную леди.

– Пустите же меня! – кричал за дверью мальчишка. – Где, наконец, обещанный шоколад? Я хочу его получить!

– Он не просто противный, он ещё, оказывается, ужасно жадный, – изумилась Великая ведьма. – Ну, откройте же ему дверь, пусть он войдёт!

Она выглядела так естественно, произнося эти слова, и губы её натурально двигались, и глаза улыбались – совершенно живое лицо молоденькой девушки!

Одна из ведьм сняла с дверных ручек цепи, раскрыла обе тяжёлые створки и сказала кому-то в коридоре:

– Привет, юный джентльмен! Рады тебя видеть! Ты ведь пришёл за шоколадом? Входи, он тебя ждёт.

Вошёл маленький мальчик в белом джемпере, шортах и кроссовках. Я уже раньше встречал его в отеле. Он жил здесь с родителями, мистером и миссис Дженкинс, и я знал, что звали его Бруно. Мне он был несимпатичен – один из тех прожорливых лентяев, которые беспрестанно что-то жуют. Встречу его в вестибюле – его рот набит бисквитом или ещё чем-нибудь. Увижу его в коридоре – он запихивает в рот полные пригоршни картофельных чипсов. Выйдет ли он в сад – он не гуляет, а стоит на одном месте и чавкает, с жадностью поедая большую плитку молочного шоколада, при этом вторая плитка торчит у него из кармана. Ещё у него была неприятная привычка хвастать тем, как много зарабатывает его отец, и рассказывать, что у них три великолепных автомобиля.

Но особенно он мне не понравился после того случая на террасе отеля... Он стоял на коленках с лупой в руках на залитом солнцем полу и, фокусируя лупой солнечный луч, сжигал несчастных муравьишек, одного за другим.

«Мне нравится смотреть, как они горят!» – объявил он.

«Но ведь это жестоко! – заорал я на него. – Прекрати немедленно!»

«Ну-ка, посмотрим, как ты сможешь запретить мне делать это», – ехидно проговорил он.

Я толкнул его изо всех сил, и он с грохотом полетел на пол. Его лупа разлетелась на куски, а он вскочил с диким рёвом:

«Вот увидишь, тебе попадёт от моего папы!»

И умчался, видимо, в поисках своего отца. Больше я с ним не встречался.

И сейчас я сильно сомневался, что ведьмы смогут превратить его в мышку, хотя в душе я искренне на это надеялся. Однако в любом случае я не завидовал его положению.

– Милый, – проворковала Великая старшая ведьма со сцены, – шоколад твой давно тебя ждёт. Но сначала поднимись ко мне и поздоровайся с этими очаровательными леди.

Голос её был удивительно мягок и нежен, слова капали сладкими каплями мёда. Бруно явно сконфузился, но всё же позволил взять себя за руку и отвести на сцену, где стояла Великая старшая ведьма.

– Ладно, – сказал он. – Но где же мой шоколад?

Тут я заметил, что встретившая его ведьма потихоньку снова накинула цепи на дверные ручки, но Бруно этого не видел, поскольку думал только о шоколаде.

Великая ведьма объявила на весь зал:

– Сейчас уже осталась одна минута до половины четвёртого.

– Что, чёрт побери, тут происходит? – спросил вдруг Бруно.

Он не казался испуганным, но явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Что всё это значит? Где шоколад? – опять задал вопрос Бруно.

– Осталось тридцать секунд, – выкрикнула громко Великая ведьма, схватив Бруно за руку.

Тот даже вздрогнул и уставился на неё. Она смотрела на Бруно улыбаясь, и все в зале тоже смотрели на него очень внимательно. Бруно подозрительно огляделся и снова потребовал:

– Так дайте же мой шоколад! И отпустите меня, наконец! – И вдруг Бруно завопил: – Кто-нибудь из этих сумасшедших поганок скажет мне, что здесь происходит?

Но Великая ведьма, склонившись к нему, нежно провозгласила:

– Десять секунд! – И затем начала отсчитывать: – Девять, восемь, семь... одна... включаем зажигание!

Я готов был поклясться, что услышал звонок будильника. Бруно подпрыгнул на месте, словно кто-то ударил его снизу, и вскрикнул:

– Ой!

Он подпрыгнул так высоко, что оказался на маленьком столике на сцене, и вдруг побежал по крышке стола, вопя и размахивая руками. А потом вдруг затих, а тело его оцепенело.

– Звонок прозвенел, начинает работу «Создатель мышей»! – объявила Великая старшая ведьма. Она начала плясать, подпрыгивая, хлопать в ладоши и петь:

– Отродье человеческое, маленький подлец,
Противненькая блошка, исчезни, наконец,
Ты скоро станешь мышкой с голеньким хвостом,
Тебе не нужно плитки,
Мы крошки соберём!

Между тем Бруно на глазах стал уменьшаться. Его тело сокращалось, съёживалось, с каждым мгновением всё быстрее. Кожа сморщивалась всё явственнее. На теле начала исчезать одежда, но зато появился тёмный пушистый ворс. Бруно на моих глазах обрастал шерсткой! Вот появился хвостик... за ним возникли усы, вот уже вместо рук и ног – четыре лапки... Всё произошло почти мгновенно, за несколько секунд. И вот уже Бруно не стало... По столу бегала маленькая мышь в коричневой шубке...

– Bravo! – заорала и захлопала аудитория. – Получилось! Формула действует! Колоссально! Чудо! Чудо!

Все ведьмы вскочили с мест, восторженно поднимая руки, и хлопали, стуча когтями. Из складок своей юбки Великая старшая ведьма вдруг достала мышеловку и начала её настраивать.

«Ну уж нет, – подумал я. – Может быть, Бруно Дженкинс и маленький негодяй, но я не намерен спокойно смотреть, как ведьмы прихлопнут его мышеловкой!»

– Да где же он? – вскричала в это время Великая ведьма, в изумлении озирая свой столик и сцену. – Куда подевалась эта мышь?

Она не нашла её. Умный Бруно давно уже спрыгнул со стола и юркнул в какой-нибудь угол или нашёл дырку в стене.

«Слава богу», – подумал я с облегчением.

– Это ещё ничего не значит! – вновь рявкнула Великая ведьма своим разочарованным слушательницам. – Сидеть и молчать! Всем!

Предки

По-прежнему я видел в щелку ту же картину: Великая старшая ведьма стоит в центре сцены и оглядывает зал горящими злыми глазами, а лысые леди, снова сбросившие свои парики, притихли, размякшие и усталые.

– Всем, кто старше семидесяти лет, поднять руки! – раздалась команда со сцены.

Семь или восемь когтистых лап мгновенно взлетели вверх в разных концах зала.

– Мне кажется, – продолжала Великая ведьма, – что вы, старейшие из ведьм, предки многих из нас, уже не в состоянии вскарабкаться на высокое дерево в поисках птичьего гнезда с яйцами.

Старые ведьмы тут же завyli в один голос:

– Не можем, правда, не можем! Уже страшновато лезть на высокое дерево!

Великая ведьма жёстко продолжала:

– Да и не изловить вам ни краба, ни крота и не пойдёте вы никуда с ружьём, чтобы поймать муравьеда. Вы уже слишком стары для таких подвигов.

– Правда, правда, – печально кивали головами старые ведьмы в знак согласия с предводительницей.

– Вы предки многих из нас, – продолжала Великая ведьма. – Вы служили мне верно много лет. Вы были лучшими, ловкими и удачливыми! Поэтому я не могу отказать вам в удовольствии расправиться с тысячью-другой этих противных поганцев! Специально для вас я приготовила своими руками немного чудесного снадобья замедленного действия и хочу вручить его вам, прежде чем вы покинете этот отель.

– О благодарим, благодарим! – запричитали старейшие ведьмы. – Как вы добры, как заботливы!

– Вот образец моего коктейля, приготовленного для вас. – Великая ведьма порылась в складках своей юбки и достала крохотный флакончик. Показав его всем присутствующим, она провозгласила: – В этом крошечном флаконе пятьсот доз! Этого хватит вам для пяти сотен грязненьких мерзавцев!

Я хорошо разглядел этот флакончик тёмного стекла. Он был не больше тех, в которых продают капли от насморка.

Со сцены звучало:

– Каждая из вас, старейших ведьм, получит по два таких флакона!

Старейшие снова благодарственно заскулили, обещая не потратить напрасно ни одной капли.

– Ну что же, – торжественно провозгласила Великая старшая ведьма, – завершим наконец нашу встречу! И, кстати, наступает обеденное время для тех, кто остановился в этом отеле. Но сейчас мы все вместе перейдём на Солнечную веранду, где для нас сервирован чай и где нас ожидает директор этого прекрасного отеля. – Великая старшая ведьма повела рукой в сторону зала. – Так не забудьте же, номер моей комнаты четыреста пятьдесят четыре. Это я говорю тем из вас, для кого я приготовила флакончики с моим изобретением. Жду вас у себя ровно в шесть часов вечера. А в восемь мы все должны собраться в столовой отеля на ужин. Помните, что вы – обаятельные леди из КОПЖД, для нас там будут накрыты два специальных стола. Но вам надо заткнуть носы ватными тампонами во избежание скандала. Ведь в столовой всегда полно детей, и «вонька» от них будет для вас невыносимой. Да и вообще, не забывайте о приличиях. Всё ясно? Вопросы?

– Ваше величество, – прозвучал голос из зала, – позвольте спросить. Что произойдёт, если одну из приготовленных нами конфет съест взрослый?

– Это плохо кончится для него, – мрачно изрекла Великая ведьма. Затем она добавила: – Ну всё. Ступайте!

Ведьмы вскочили со своих мест и начали собираться. А я всё сидел на ковре за ширмой, прижавшись к щёлке, раскрывшей мне так много ведьминских тайн. Я только молился про себя, чтобы ведьмы поскорее убрались из зала и позволили мне выйти из моего заточения.

– Пойдите! – раздался вдруг чей-то громкий вопль. – Задержитесь все!

Этот крик прогремел, как призыв боевой трубы. Все остановились, замерев и обратив взоры к той, что кричала.

Это была одна из самых высоких ведьм. Я хорошо разглядел её откинутую назад голову и шевелящиеся крылья большого носа, ноздри которого напоминали морские раковины.

– Пойдите же! – вновь воскликнула она. – Чуете этот запах?! Я чувствую запах собачьего дерьма!

– Откуда? Не может быть! Ты ошибаешься! – раздались со всех сторон удивлённые возгласы.

Носатая ведьма стояла на своём. Она с жаром принялась уверять остальных, что запах этот где-то совсем рядом, надо только поискать.

– Что происходит? – грозно гаркнула Великая старшая ведьма, всё ещё стоявшая на сцене.

– Ваше величество, – почтительно отвечали ей, – Милдред кажется, что тут пахнет собачьим дерьмом.

– Что за чушь?! – возмутилась Великая. – Собачье дерьмо у неё в голове, вместо мозгов!

– Да стойте же! – снова закричала Милдред. – Вот оно! Я снова чую его!

Крылья её огромного носа шевелились, словно рыбы хвосты.

– Эта вонь просто бьёт мне в нос! – продолжала она. – Неужели никто из вас ничего не чует?!

При этих её словах все ведьмы вскинули головы повыше, и ноздри их зашевелились.

– Она права, – заметил кто-то. – Я тоже чую скверную воньку.

В несколько секунд сборище ведьм превратилось в дикую орущую толпу.

– У-у-у!!! – выли они.

– Но почему же не воняло до сих пор?! Ведь никто ничего не чуял! Это не комната, а просто грязная канава! Где-то здесь наверняка прячется маленький свинёныш! – неслись со всех сторон крики и вопли.

– Искать! – распорядилась Великая ведьма. – Выследить, найти мне его! И с корнем вырвать!

Я почувствовал, как от ужаса у меня на голове встают дыбом волосы, а холодный пот струится по всему телу.

– Ищите! – повторила Великая старшая ведьма. – Где скрывается эта маленькая навозная кучка?! Если он здесь и всё слышал, найти и немедленно уничтожить!

Метаморфозы

В душе я рассуждал так: «Бежать мне некуда. Даже если я сейчас рвану изо всех сил и растолкаю их, мне всё равно не удрать: ведь дверь заперта, да ещё эти цепи! Мне конец! О милая бабушка! Что они собираются сделать со мной?!»

Вдруг что-то заставило меня обернуться и – о ужас! Я увидел прямо перед собой размалёванное и напудренное отвратительное лицо одной из этих ведьм, глядевшей на меня с открытым ртом. Но вот она очнулась и радостно заверещала:

– Он здесь! За ширмой! Хватайте его!

Она было схватила меня за волосы, но я увернулся и отпрыгнул в сторону. И помчался к выходу. Как я летел! Ужас происходящего гнал меня так, словно на моих ногах выросли крылья. Я обежал всю комнату и от всех сумел увернуться. Оказавшись у двери, я попытался сорвать цепь, но тщетно. Цепь крепко была прикручена к дверным ручкам.

А вот ведьмы ни на минуту не усомнились в том, что я уже попался. Они стояли спокойно, разбившись на маленькие группки, и переговаривались между собой, с усмешкой наблюдая за мной. Некоторые демонстративно зажимали носы пальцами, уже затянутыми в перчатки, как бы говоря: «Фу... Как здесь скверно пахнет... Пора отсюда уходить».

Но Великая старшая ведьма рывкнула на них:

– Да ловите же его, идиотки! Встаньте в ряд по всей комнате и идите на него! Загоняйте в угол! Хватайте! Тащите его ко мне!!

Ведьмы послушно выстроились в одну плотную шеренгу и двинулись вперёд, смыкая кольцо вокруг меня. Они приближались, всё плотнее обступая меня и подталкивая к одному из углов.

От страха, придавшего мне силы, я стал громко и пронзительно визжать и звать на помощь.

– Помогите! – орал я изо всех сил, пытаюсь продвинуться к двери. – Помогите-е-е!...

А вдруг кто-нибудь в этот миг проходит по коридору...

– Хватайте же его. Заткните ему глотку! – прорычала Великая ведьма.

Пять или шесть пар когтистых лап в перчатках схватили меня за руки и за ноги, отрывая от пола. Кто-то зажал мне рот пыльной перчаткой.

– Сюда его! Сюда тащите! – раздавалось со сцены. – Червяк, шпионивший за нами! Он заплатит за это!

И меня потащили на сцену. Я чувствовал, как крепко вцепились в меня когтистые лапы. Я повис на них, голова моя болталась где-то у пола.

Я увидел ноги Великой старшей ведьмы, потом поднял глаза: она испепеляла меня змеиным взглядом. Сжимая в руке флакончик «Формулы-86 замедленного действия», она прошипела:

– А вот и лекарство! Зажмите ему покрепче нос, чтобы он разинул пасть!

Крепкие когтистые пальцы обхватили мой бедный нос. Я задержал дыхание и стиснул зубы. Но долго так терпеть я не смог, грудь моя просто разрывалась. Я приоткрыл рот, чтобы глотнуть хоть немного воздуха, и в этот миг Великая ведьма выплеснула мне в рот почти всё содержимое своего флакончика!

Какая же это была боль... Просто не передать словами. Мой рот горел, словно в него влили несколько стаканов кипятка! Но тут же я почувствовал, как сжигающее пламя стекает в грудь, в живот, перетекает в руки и в ноги, охватывает всё тело. Я завыл во весь голос от боли, но в тот же момент нечистая перчатка с силой запечатала мне рот.

В тот же момент я ощутил, как съёживается моя кожа. Можно ли описать это ощущение словами?... От головы до кончиков пальцев ног я съёживался, сморщивался, как воздушный шарик, из которого быстро выходит воздух и он на глазах уменьшается в размерах.

А потом меня что-то сжало, словно я находился внутри металлической капсулы, а чья-то невидимая рука повернула невидимый винт прессы, и с каждым поворотом этого винта моя оболочка начала сжиматься, превращая меня в мякоть, как апельсин, из которого иод давлением выжимают сок. В довершение всего я почувствовал тысячи мелких уколов изнутри: это пробивался сквозь кожу пушистый мышинный мех, серая шёрстка.

Откуда-то издалека до меня донеслось:

– Он получил сразу все пятьсот доз! Даже будильник не выдержал! Запомните, вы – свидетели необычайного, редкостного эксперимента!

Раздались аплодисменты, а я подумал: «Кто же я теперь? Ведь меня выдавили из моего собственного тела!»

Возле самого носа я различил доски сцены. Я увидел четыре лапки, с ужасом поняв, что они мои! Я не был больше мальчиком, я был маленькой мышкой!

– Давайте скорее мышеловку и сыр! – донеслось сверху до меня.

Но я не стал дожидаться такого конца. Я метнулся со сцены быстрее солнечного зайчика. Меня самого удивило, как стремительно я мог бежать. В мгновение ока я перескочил через десятки ведьминых туфель и уже был на ступеньках, ведущих в зал. В один миг я пронёсся под рядами стульев, но что интересно – я не слышал собственных шагов. Я нёсся бесшумно! Боль в теле утихла, и я чувствовал себя неплохо.

«Как интересно побыть мышкой, – мелькнуло у меня в голове. – Крохотной, бесшумной мышкой, которую эти кровожадные леди никогда не поймают».

Спрятавшись за ножкой стула, я притих.

Где-то далеко звучал голос Великой старшей ведьмы:

– Оставьте этого негодяя, он не стоит нашего внимания! Уходим, все уходим! На Солнечной веранде нас ждёт чай и этот глупый директор.

Бруно

Я быстро обежал вокруг ножки стула и сидел, наблюдая проходящие мимо меня сотни ведьминых ног в изящных туфельках. Они покидали зал для игры в мяч. Когда наступила абсолютная тишина, я тоже осторожно побежал к выходу.

И тут я вспомнил о Бруно, ведь он наверняка где-то здесь. Я окликнул его по имени, хотя боялся, что не смогу разговаривать как прежде: ведь мыши не говорят на человеческом языке. Поэтому громкий звук моего обычного голоса и чистая речь повергли меня в шок. И всё же я произнёс ещё раз:

– Бруно Дженкинс, если ты меня слышишь, то отзовись. Где ты?

Боже! Как удивительно: из моего крошечного мышиноного ротика вылетали нормальные человеческие слова, а голос мой был обыкновенным голосом восьмилетнего мальчика! Но никто мне не ответил.

Я кружил между ножками стульев, и, признаться, мне нравилось находиться так близко к полу. Странно, но я не был огорчён своим новым положением. Я думал: «Ну что такого хорошего быть маленьким мальчиком? Неужели это лучше, чем быть мышкой? Я знаю, правда, что мышей не очень любят, их ловят, травят ядами, им угрожают кошки и мышеловки. Но ведь и мальчики иногда погибают. Они болеют, попадают под машины. А кроме того, они обязаны ходить в школу. Мышам же нет до этого никакого дела. Мышей не пугают экзамены или отсутствие денег. Что действительно беспокоит мышей, так это кошки и люди. Но не все! Моя дорогая бабушка, я уверен, будет любить меня всегда, в любом обличье. И как хорошо, что у неё нет кошки! Потом: взрослые мыши не должны идти в армию, они не воюют с другими мышами. Мыши дружат между собой, чего не скажешь о людях. Нет, – решил я, – быть мышкой не так уж и плохо!»

Так размышляя, обежал я весь пол большой комнаты и вдруг наткнулся на ещё одну мышь. Точнее, это был мышонок, припавший к полу от страха и сжимавший в передних лапках маленький кусочек хлеба. Он грыз этот кусочек с видимым удовольствием. Разумеется, это мог быть только Бруно!

– Привет! – сказал я. Он мельком глянул на меня и продолжал работать зубками. – Что это у тебя?

– Кусок бутерброда с паштетом. Кто-то обронил, ужасная вкуснотища.

Голос его, к удивлению, тоже был прежним.

Кое-кто, наверное, думает, что мыши только пищат, общаясь друг с другом (если, конечно, они умеют разговаривать между собой). Поэтому мне было так смешно услышать знакомый мальчишеский голос, который принадлежал этому крохотному созданию!

– Послушай, – сказал я ему, – раз мы оба теперь мыши, давай вместе подумаем, что же нам делать.

Он прервал свою трапезу и уставился на меня тёмными бусинками глаз.

– Что значит «мы»? – спросил он меня. – Если ты стал мышью, то и говори о себе.

– Но ты ведь тоже стал мышью, Бруно!

– Не болтай чепухи, какая я мышь? И вообще, перестань меня оскорблять, я же тебе не грубил! Зачем же ты обзываешь меня мышью?

– А ты сам разве не понимаешь, что с тобой произошло? – как можно спокойнее, чтобы не испугать Бруно, спросил я. – Ведь несколько минут тому назад в этом зале были ведьмы. Они превратили нас с тобой в мышей.

– Не ври! – возмутился Бруно. – Это неправда!

– Прекрати возиться с этой коркой и посмотри на свои руки! Ведь это лапки!

Он наконец послушал меня и посмотрел на свои лапки.

– Вот беда! – заплакал он. – Я и вправду мышь! Ну подожди, вот мой папа всё узнает!

– Он подумает, что ты стал лучше, чем был, – съехидничал я.

Бруно завопил:

– Не хочу! Не надо! Я не мышь! Я Бруно Дженкинс!

При этом он прыгал и плакал.

– Не плачь, – сказал я ему, – ведь случается кое-что и похуже. Зато теперь у тебя будет своя норка. А по ночам ты сможешь бегать в кладовую и лакомиться чем-нибудь вкусным! Знаешь, сколько в кладовых всего – изюм,

кукурузные хлопья, шоколадное печенье! Ты можешь объедаться там целую ночь!

Бруно постепенно затих и слушал.

– Знаешь, – наконец взбодрился он, – а ведь это мысль! Но если я захочу холодного цыплёнка, как же я открою холодильник? Дома я по вечерам всегда закусываю чем-нибудь холодненьким.

– Не беспокойся об этом, – уверенно сказал я ему. – Твой богатый папочка купит тебе маленький мышинный холодильник.

Тут Бруно словно что-то вспомнил.

– А о каких ведьмах ты говорил? – спросил он меня. – Я ведь никого не видел.

– Та леди, что дала тебе вчера в вестибюле отеля шоколадку, она и была ведьма! Помнишь её?

– Ах мерзкая старая коза, – заверещал Бруно. – Ну я ей задам! Где она? – Возмущению его не было предела.

– Забудь, – постарался я успокоить его. – Даже не надейся отомстить ей. Главное для тебя теперь – это твои родители. Как они отнесутся к тому, что произошло с тобой? Как они будут с тобой обращаться?

– Боюсь, мой папочка выйдет из себя, – мрачно произнёс Бруно. – Да и мама боится мышей.

– Тогда у тебя возникнут сложности с родителями, – сказал я. – А вот моя бабушка воспримет всё, как есть. Я уверен в этом, потому что она знакома с проделками ведьм.

Бруно снова принялся за остатки бутерброда.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

– Наверное, нам нужно сперва всё обсудить с моей бабушкой, – сказал я важно. – Она-то уж точно знает, что надо делать.

И я направился к открытым дверям. Бруно, крепко зажав в лапке кусочек своего лакомства, поспешил за мной.

– Выйдем в коридор и помчимся быстрее пули, – сказал я ему, – только держись поближе к стене и не отставай! И не открывай рта. Нам надо постараться никому не попасться на глаза. Всё время помни: если нас увидят, мы погибли!

Я вырвал кусочек хлеба из его лап, отшвырнув его в сторону. И скомандовал:

– Давай вперёд, за мной!

Привет, бабушка, милая!

Едва выбравшись из зала для игры в мяч, я понёсся быстрее молнии. Вмиг я пролетел весь коридор, комнату отдыха, читальный зал, библиотеку; лишь мелькнув в столовой, я уже мчался к лестнице.

Держась поближе к стене, я проскочил всю лестницу, легко перепрыгивая со ступеньки на ступеньку.

– Бруно, ты здесь? – на бегу произнёс я, понизив голос, и услышал в ответ задыхающееся:

– Да!

Наши с бабушкой комнаты находились на пятом этаже отеля. Бежать так высоко было трудновато. Но, к счастью, мы никого не встретили на своём пути: люди предпочитают лифт.

На пятом этаже я резвой рысью добрался до двери бабушкиной комнаты. Перед дверью были выставлены для чистки два бабушкиных башмачка. Бруно мчался за мной, почти не отставая. У двери бабушкиной комнаты он спросил меня, запыхавшись:

– Ну а что теперь?

В этот момент я почувствовал на себе чей-то взгляд: из глубины коридора к нам приближалась наша горничная, которой я так боялся! Именно с ней не хотел бы я встретиться в моём нынешнем положении.

– Скорей! – шепнул я Бруно. – Прячемся в башмаках! – И мы шмыгнули внутрь бабушкиных туфель, надеясь, что горничная пройдёт мимо.

Но не тут-то было! Она остановилась как раз напротив двери и взяла башмаки в руки. Потом она зачем-то полезла пальцами внутрь, что заставило меня сжаться в комочек. Но когда она ткнула меня пальцем в бок, я не удержался и укусил этот палец. Я сразу же понял, что за глупость я совершил, но я укусил её за палец инстинктивно, не думая о последствиях.

Девушка завизжала так пронзительно, что её услышали, наверное, даже на дальних кораблях в открытом море. Выронив башмаки, она умчалась по коридору. И тут моя бабушка открыла дверь.

– В чём дело? – строго спросила она.

Выскочив из башмака, я стрелой промчался в комнату. Бруно, как ветер, влетел за мной.

– Бабушка, скорее закрой дверь! – закричал я что было сил. Бабушка с удивлением оглянулась: на ковре сидели две бурые мышки. – Пожалуйста, бабушка! – добавил я, и тут она осознала, что это говорю я, её внук, она узнала мой голос.

Она застыла на месте. Просто окаменела, превратившись в статую. Как поражённая молнией, она стояла не шевелясь в странной позе, а лицо её стало белее самого белого мрамора. Глаза её застыли на одной точке, и я боялся, что она потеряет сознание.

Но вот она очнулась, как будто до неё дошёл смысл моих слов. Она взяла себя в руки и направилась к двери. Но на полпути всё-таки остановилась и наклонилась, вглядываясь в наши мордашки. Слезы градом полились из её глаз, и щёки сразу стали мокрыми.

– Бабушка, милая, не плачь! – воскликнул я. – Ведь всё могло кончиться гораздо хуже! А теперь вот мы всё-таки живы: я и Бруно. И мы удрали от них!

Медленно-медленно моя бабушка наклонилась и бережно подставила мне одну руку, а Бруно – другую и перенесла нас на стол. В центре стола красовалась ваза с бананами, и Бруно, конечно, сразу оказался в самом центре вазы и впился острыми зубками в жёлтую кожицу банана.

Бабушка, тяжело дыша, оперлась на спинку кресла, не сводя с меня взгляда.

– О мой милый! – прошептала она, и слёзы снова хлынули потоком у неё из глаз. – Бедный мой, дорогой мой мальчик! Что они сделали с тобой!

– Бабушка, я прекрасно знаю, что они сделали с нами. Но самое смешное, что я не переживаю ничуть! Я даже не злюсь! И, представь, мне даже хорошо! Конечно, я понимаю, что я уже не мальчик, и, вероятно, никогда им больше не буду. Но всё отлично устроится, если мы с тобой снова будем вместе!

Говоря всё это, я не утешал бабушку, а честно объяснял ей, что всё не так уж плохо складывается. Наверное, кому-то покажется странным, что я не оплакивал свою судьбу. Разумеется, это странно. Я всё понимаю, но объяснить не могу.

– Да, милый, я буду, как и прежде, присматривать за тобой, – сквозь слёзы произнесла бабушка. – А кто это с тобой?

– Это Бруно Дженкинс. Они его первого превратили в мышку.

Бабушка достала из сумочки коробку с сигарами и задумчиво начала искать спички. Пальцы её дрожали, она размышляла о чём-то, глядя в сторону, и никак не могла разжечь сигару. Наконец она затаилась, пропав в облачке сизого дыма. По-видимому, сигара её чуточку успокаивала.

– Где же всё это произошло и где эта ведьма теперь?

– Бабушка, она не одна, их там было несколько сотен! И все они сейчас в нашем отеле!

– Не хочешь ли ты сказать, – она быстро наклонилась ко мне, – что они проводят ежегодную встречу в нашем отеле?...

– Да! Уже! Они её уже провели, бабушка! И я всё-всё подслушал! С ними Великая старшая ведьма, и все они сейчас на первом этаже на Солнечной веранде! Они притворяются членами какого-то Королевского общества. И сейчас вместе с директором отеля пьют чай!

– А как же они поймали тебя?

– Бабушка, они меня учуяли!

Бабушка помолчала немного, посасывая сигару.

– Ты думаешь, они и вправду сейчас пьют чай на веранде? – спросила она меня.

Я подтвердил это. Бабушка курила, размышляя о чём-то, а я наблюдал, как волны тревоги набегают на её лицо, а в глазах отражается беспокойство.

Неожиданно она резко выпрямилась в кресле, и голос её стал строгим:

– Ну-ка, расскажи мне всё по порядку. И не тяни, излагай всё подробно и быстро!

Я набрал в грудь побольше воздуха и начал свой долгий рассказ о зале для игры в мяч, о своих занятиях с мышатами, о ширме, обо всех этих леди из Королевского общества за предотвращение жестокости к детям и обо всём остальном.

Увы! Я не смог найти слов, чтобы описать своё ужасное впечатление, которое произвело на меня лицо Великой старшей ведьмы, когда она сняла свою маску! Я только твердил:

– Это было так ужасно! Так страшно!

– Продолжай рассказывать, – прервала меня бабушка.

Её особенно потрясла картина сожжения дотла дерзкой ведьмы искрами из глаз их предводительницы. Бабушка явно разволновалась.

– Да, да, – говорила она, – я слышала о таких вещах, но мне не верилось! Ты первый, кто увидел это! У них это считается самым суровым наказанием и называется «поджарить, как лепёшку». Ведьмы буквально цепенеют при мысли, что любую из них может постичь такое наказание. Мне рассказывали, – продолжала бабушка, – что их предводительница взяла себе за правило на каждой ежегодной встрече испепелять одну из ведьм. Это держит их в повиновении и страхе.

Постепенно я перешёл к рассказу о «Формуле-86 замедленного действия». Но когда я изложил бабушке Великий план уничтожения детей всей страны, она вскочила на ноги в небывалом волнении:

– Я так и знала! – вскричала она. – Я знала, я предчувствовала, что замышляется нечто чудовищное!

– Но мы можем помешать им! – сказал я.

– Ведьмам нельзя помешать. Вспомни, какая сила заключена только в одном взгляде Великой старшей ведьмы. Она убьёт нас всех, изжарит, ты же сам это видел!

– Да нет же, бабушка! – засмеялся я. – Поверь, мы остановим это истребление всех детей, используя их же метод.

Бабушка прервала меня:

– А что случилось с Бруно?

Я рассказал всё подробно, а бабушка незаметно наблюдала, как Бруно налегает на вкусный банан.

– Он бывает когда-нибудь сыт? – спросила она меня.

– Уверен, что никогда, – выпалил я.

Бабушка нежно посадила меня на колени и начала приглаживать мою меховую одежду, что мне было очень приятно.

– Объясни мне, пожалуйста, – попросил я её, – почему мы, превратившись в мышей, говорим и думаем как люди?

– Всё очень просто, – сказала бабушка. – Они могут уменьшить вас и покрыть тело шерсткой, они знают, как превратить ваши ноги и руки в лапки и прочее. Но изменить вас они не могут: вы не стопроцентные мыши, вы – те же мальчики, но в обличье мышей. Вот и всё! Та же голова на плечах, тот же разум, ваш собственный голос. И слава богу, что всё это так!

– Выходит, что я не совсем обычная мышь, правда, бабушка? Я всё-таки личность или что-то в этом роде.

– Правильно, – улыбнулась бабушка. – Ты совершенно особенная мышь!

Несколько минут мы молчали, бабушка курила, ласково поглаживая мою шерстку, а я притих у неё на колени. Слышался только треск разрываемой кожицы банана и знакомое чавканье Бруно. Я свернулся в клубок и размышлял. Никогда ещё мысли не проносились с такой скоростью в моём мозгу.

– Бабушка, – окликнул я её, – похоже, у меня появилась кое-какая идея!

– Слушаю, мой дорогой, – нежно отозвалась бабушка.

– Великая старшая ведьма назвала номер своей комнаты – четыреста пятьдесят четыре, и он находится на четвёртом этаже. А номер моей комнаты – пятьсот пятьдесят четыре, и мы живём на пятом этаже. Значит, её комната находится прямо под моей!

– Хорошо бы, чтобы так оно и было, – сказала бабушка. – Эти отели строят почти всегда одинаково, коробка над коробкой, так что она действительно может находиться прямо под нами. А что же дальше?

– Вынеси меня, пожалуйста, на балкон, мы должны кое-что проверить.

Каждая комната в отеле выходила на маленький балкон. Моя дорогая бабушка, нежно держа меня на ладони, пошла в мою комнату, а из неё – на балкон. И мы стали внимательно рассматривать, что там было внизу, под нашим балконом.

Наконец я сказал:

– Ну что же, если это и вправду её комната, держу пари, что я смогу туда пробраться.

– Зачем?! Чтобы снова попасть к ней в лапы? Нет, я тебе этого не позволю! – рассердилась бабушка.

– Но ведь они все сейчас пьют чай на Солнечной веранде вместе с директором отеля. И раньше шести часов Великая старшая ведьма не вернётся к себе в комнату. Только к этому времени к ней придут эти старые козы, то есть я хотел сказать, предки всех ведьм, ну которые самые старые из них... Она собиралась вручить им по флакону своего мерзкого коктейля.

– Ну хорошо, – сказала бабушка. – Допустим, ты проберёшься к ней в комнату. И что бы ты тогда сделал?

– Я бы разыскал то место, где она держит запасы своих флаконов, и утащил бы один. Ведь они очень маленькие, и я донёс бы его.

– Но меня пугает его убийственное содержимое, – задумчиво сказала бабушка. – Ну ладно, а что бы ты предпринял потом?

– Бабушка, – сказал я, – ты же помнишь, что в каждом таком флаконе пятьсот доз этого варева для пяти сотен человек. Мы смогли бы избавиться сразу от всех ведьм! Превратить их в мышей!

Бабушка даже слегка подпрыгнула на месте от моей блестящей мысли. При этом она чуть было не выронила меня, и я едва не свалился за перила.

– Бабушка, – закричал я, – пожалуйста, будь осторожна!

Она всё ещё бурно радовалась моей фантастической, моей потрясающей идее и даже назвала меня гениальным мальчиком. И тут же начала строить грандиозный план уничтожения всех ведьм Англии, в придачу с Великой старшей ведьмой, её же собственным оружием!

– Давай попробуем, – охотно согласился я. Бабушка при этом так разволновалась, что я чуть было опять не перелетел через перила балкона.

– Это будет величайшая победа над ведьмами за всю их тысячелетнюю историю! – воскликнула она. – Но работы нам хватит! Давай начнём прямо сейчас! Только как же мы добавим каплю этой «Формулы» в их пищу?

– Мы сделаем это позже, – предложил я. – Сначала надо добыть варево. Но как бы нам поточнее узнать, что комната внизу – именно та самая, где живёт Великая ведьма?

– Мы сейчас же всё уточним! – вскричала моя бабушка в волнении.

Она, казалось, помолодела от нашей идеи, двигалась быстро и энергично.

– Пойдём скорее, не будем терять ни минуты. Крепко держа меня в ладони, она поспешила из моей спальни в коридор и спустилась на четвёртый этаж, мягко постукивая по ковру своей палочкой. Мы оба всматривались в номера комнат, обозначенные золотистыми цифрами. Вот и четыреста пятьдесят четвёртая.

Бабушка осторожно толкнула дверь, но та, разумеется, была заперта. Тогда она внимательно осмотрела коридор, сравнивая его с нашим.

– Ты прав, – сказала бабушка, – эта комната находится прямо под твоей спальней.

Мы ещё раз пересчитали количество комнат от начала коридора, чтобы не ошибиться, и вернулись в мою спальню.

– Значит, действительно, это её балкон, и, посмотри-ка, дверь её балкона открыта! Но только, как ты туда спустишься?

К сожалению, я не мог ничего придумать. Наши комнаты располагались прямо над парадным входом в отель, а внизу, под балконами, блестели острые металлические зубцы ограды. И, упавши я с балкона, я бы наверняка погиб.

Но тут бабушка воскликнула:

– Я придумала!

Вмиг мы оказались в её спальне, и, держа меня крепко в ладони, она резво начала что-то искать среди своих вещей, аккуратно разложенных на полочках шкафа. И вот у неё в руках – клубок шерстяных ниток с воткнутыми в него спицами, на которых болтался недовязанный шерстяной носок. Этот носок бабушка вязала для меня, но сейчас он показался мне таким огромным!

– Полезай внутрь, – сказала она, – а я спущу носок вниз, на её балкон. И давай поторопимся, ведь это чудовище вот-вот вернётся!

Мышка-громила

В мгновение ока мы выскочили на балкон моей спальни.

– Ты готов? – как командир, спросила меня бабушка. – Я опускаю тебя в носок.

– Да, готов, – подтвердил я. – Думаю, что справлюсь, ведь я всего лишь мышонок.

– Верю, что справишься, – ласково сказала бабушка. – Удачи тебе, мой милый! – Она осторожно опустила меня внутрь носка (моего носка!) и затем стала потихоньку разматывать клубок.

Носок поплыл вниз, поддерживаемый на весу шерстяной ниткой. Сквозь вязаное полотно я видел далеко-далеко внизу, как будто на другой планете, ребятишек, играющих на пляже, маленьких как муравьи. Мой носок покачивался под лёгким ветерком. Вверху, высоко над собой, я видел голову бабушки: слегка перегнувшись через перила, она смотрела, как носок со мной опускается на балкон комнаты Великой старшей ведьмы.

– Ты уже почти на месте, – услышал я её приглушённый голос. – Ещё немного, и ты достигнешь цели! С мягкой посадкой тебя, малыш!

Я ощутил слабый толчок, и тут же раздался голос бабушки:

– А теперь бегом, бегом!

Я быстро выбрался на свет божий и рванул изо всех сил в комнату Великой старшей ведьмы. На меня пахнуло чем-то затхлым, прокисшим, такой же запах стоял в зале для игры в мяч, когда там собрались ведьмы. Это было особое, ведьминское зловоние. Оно напомнило мне туалеты маленьких железнодорожных станций...

Комната ведьмы показалась мне не такой большой, как моя спальня, и к тому же – тесной. В общем, это была обычный номер обычного постояльца отеля, такого же, как все. Но ведь это была комната ведьмы! Хитрой ведьмы, которая, конечно, не оставит на виду ничего подозрительного. И вдруг я увидел... лягушку!

Она прыгала по ковру, а потом исчезла под кроватью.

– Поспеси, милый! – снова раздался голос бабушки. – Хватай флакончик и убегай оттуда!

Я носился по комнате туда-сюда в поисках зелья, но ничего не мог найти. Хотел было поискать в стенном шкафу, но не смог открыть его дверцу. Я даже устал и присел на миг посреди ковра, чтобы подумать. Где же эта проклятая ведьма прячет своё изобретение? Разумеется, не в стенном шкафу, ведь горничная может заглянуть в него.

Я вспрыгнул на постель, чтобы получше осмотреться с высоты. «А что, если эти флаконы у неё под матрасом?!» – подумалось мне. Я тут же попытался залезть под матрац, но его громадная тяжесть никак не позволяла мне сделать это. Наконец с большим усилием мне удалось проникнуть под него, и я стал обыскивать кровать. Всё напрасно!

И вдруг моя голова ударилась обо что-то твёрдое. Оказывается, что-то было спрятано внутри матраца! Я ощупал этот предмет, и – о счастье! – это оказался флакон! И тут же, рядом, я нащупал второй, пребольно ткнувшись головой в третий! Это был тайник Великой ведьмы! Оказывается, она разрежала матрац, проделав в нём узкую щель, уложила внутрь флаконы со своим зельем, а потом зашила разрез.

Я начал неистово рвать шов зубами, стараясь скорее добраться до флакона. К счастью, передние зубки оказались у меня такие острые, что в

несколько секунд я проделал в матрасе дыру, позволившую мне залезть внутрь. Обхватив флакон за горлышко, я вытащил его наружу.

Я поспешил выбраться из-под матраса, катя флакон перед собой, и, конечно, он упал на пол, но не разбился. Спрыгнув вслед за ним, я внимательно осмотрел его. Он был как две капли похож на тот флакон, что я видел в руках Великой старшей ведьмы, перед тем как она вылила его содержимое мне в рот. Я даже заметил наклейку на нём: «Формула-86 замедленного действия», а чуть ниже – «500 доз».

«Ах, что я за молодец», – подумал я про себя и даже подпрыгнул на месте от радости, что так удачно всё получилось.

И вдруг из-под кровати выпрыгнули аж три зелёные лягушки и замерли на ковре, уставясь на меня громадными чёрными глазищами. Их взгляды были настолько печальны, что у меня сжалось сердце. Ничего более печального я не видел до сих пор. И тогда я подумал: «А что, если эти лягушки тоже были когда-то детьми, пока в их жизни не появилась эта страшная Великая ведьма?»

– Кто вы? – спросил я, и в тот же миг услышал звук вставляемого в замочную скважину ключа. Дверь широко распахнулась, и на пороге возникла Великая старшая ведьма. Одним прыжком лягушки оказались под кроватью, а я метнулся вслед за ними, не выпуская из лапок заветный флакон.

Спрятавшись за ножкой, я подглядывал, как Великая ведьма прошествовала мимо меня. Бедные лягушки сидели тихо-тихо, прижавшись друг к другу. Они явно не умели прятаться так хорошо, как это умеют делать мыши. И не умеют так стремительно бегать, а только неуклюже прыгают. Мы все сидели в безмолвии, ожидая, что же будет дальше, и вдруг под кроватью показалось лицо Великой ведьмы. Она наклонилась и стала всматриваться в подкроватную темноту. Я отодвинулся в тень кровати ножки. А Великая ведьма злорадно ухмыльнулась:

– Вот вы где, мои милые лягушата! Ну сидите, сидите и будьте готовы, утром я вас вышвырну в окошко.

В этот момент с верхнего балкона раздался голос моей бабушки, так хорошо слышный в открытую дверь:

– Ну где же ты, мой дорогой? Давай поскорее, пора уже уходить!

– Кто это там кричит? – рявкнула Великая старшая ведьма, и я увидел из-за ножки кровати, что она решительно направилась к балконной двери.

– Кто это на моём балконе?

С этими словами она вышла на балкон.

– Что это за носок болтается? – спросила она резко.

Я в ужасе замер.

– Ах, здравствуйте! – приветливо откликнулась моя бабушка. – Простите, что я нечаянно уронила своё вязанье на ваш балкон, но вы не беспокойтесь, я крепко держу клубок и, кажется, смогу поднять его сама. Благодарю вас!

Меня просто восхитило самообладание бабушки, её спокойствие и хладнокровие.

– А с кем это вы разговаривали только что? – с подозрением спросила Великая ведьма. – Кого вы звали и кому советовали поторопиться?

– Я разговаривала с внуком, – услышал я спокойный голос бабушки, – он очень задержался в ванной, а ему пора уходить. Знаете, он там читает и забывает о времени. А у вас, милая, наверное, тоже есть дети?

– Нет, нету! – нервно откликнулась Великая ведьма и с этими словами быстро вернулась в комнату, захлопнув за собой балконную дверь.

Путь к возвращению окончательно был отрезан! Неужели я погиб?! Снова я оказался взаперти, на этот раз не за ширмой, а под кроватью Великой ведьмы, да ещё в компании с какими-то лягушатами. Меня, как и их, обуял страх. Если ведьма найдёт меня здесь, то я, без сомнения, разделю участь лягушат.

В этот момент в дверь постучали.

– Кто это так поздно? – резко и недовольно спросила Великая ведьма.

– Это мы, старейшие из ведьм, – проскрипел робкий голос из-за двери. – Уже шесть часов вечера, а вы обещали нам несколько флаконов...э-э-э... мы поэтому пришли... ваше величество.

Ведьма нехотя прошла к двери, открыла её, и я увидел из своего убежища множество ног в башмаках и модных туфлях, целый ряд длинных юбок,

вплывающих в комнату. Ноги ступали медленно, неуверенно, как будто бы их обладательницы были чем-то напуганы.

– Да входите же! – рявкнула Великая ведьма. – Что вы там дрожите на пороге? Не могу же я заниматься вами целый вечер!

О такой удаче я не мог и мечтать! Быстрее молнии прошмыгнул я к открытой двери, прыгая через башмаки и туфли, и пулей вылетел в коридор, крепко прижимая к себе бесценную добычу. К счастью, никто из входящих в комнату ведьм меня не заметил и никто не завизжал мне вслед: «Мышь! Мышь!» Убегая, я слышал только бормотанье старых ведьм, униженно благодаривших свою предводительницу.

Выскочив из коридора на лестницу, я в мгновение ока взлетел на свой этаж. Даже не переведя дыхание, рысью пронёсся через весь наш коридор, и вот она, заветная дверь моей спальни! Только здесь я смог перевести дух, благо коридор в этот момент был пуст. Крепко обняв флакончик лапками, я начал постукивать его доньшком в дверь: тук-тук-тук... Но почему же бабушка не слышит меня? Ведь стук получался такой громкий! Я постучал опять, уже опасаясь, что кто-нибудь услышит эти звуки раньше, чем бабушка откроет мне дверь, но дверь не открывалась! Что же делать? Я решился на отчаянный шаг и громко крикнул:

– Бабушка! Это же я! Впусти меня!

И тут наконец за дверью послышались мягкие шаги по ковру, дверь отворилась, и я влетел в комнату, как пущенная стрела.

– Готово! Я всё достал! – закричал я и запрыгал от радости. – Посмотри, бабушка, вот оно! Целый флакон!

Бабушка опустилась на ковёр рядом со мной и, подняв меня на ладони, ласково гладила пальцами, приговаривая:

– Слава богу, ты жив, милый! Хорошо, что с тобой ничего не случилось!

Она чуть не плакала от радости. А я-то как был рад! Ведь не вордомушник, не опытный взломщик-громила, а всего лишь маленький мышонок перехитрил самую Великую ведьму и унёс у неё из-под носа целый флакон её нового секретного зелья!

Бабушка между тем изучала надпись на флаконе и вновь взялась меня хвалить:

– Да, ты оказался удивительно ловок! Прямо волшебник, золотой мой мальчик! Но как же ты сумел выбраться из комнаты этого чудовища?

Я рассказал подробно о визите старых ведьм, появившихся там, на моё счастье. Конечно, я признался, что чуть не умер от страха, когда Великая ведьма захлопнула балконную дверь, и что никогда в жизни мне не хотелось бы оказаться в таком положении ещё хоть раз.

– Ещё бы! – воскликнула бабушка. – Я ведь видела её, когда разговаривала с ней с балкона. Она отвратительная! Она убийца! Вероятно, это злейшее существо на целом свете!

– А ты рассмотрела её маску? – спросил я.

– Да, маска у неё превосходная, – честно признала бабушка. – Настоящее лицо очень приятной молодой женщины.

Она снова погладила меня:

– Мой дорогой, я ведь почти не верила, что увижу тебя живым! Как я рада, что мы снова вместе!

Мистер и миссис Дженкинс встречаются Бруно

Наконец-то мы с бабушкой оказались в её уютной спальне, где она посадила меня на столик, поставив рядом драгоценный флакон.

– В котором часу эти ведьмы ужинают? – спросила она.

– Часов в восемь вечера, – ответил я. Бабушка взглянула на часы: было только десять минут седьмого.

– Ну что же, – сказала она, – у нас есть время, чтобы предпринять наш следующий решительный шаг!

Вдруг она заметила Бруно, который всё сидел в вазе с фруктами. За это время, наверное, не меньше трёх громадных бананов исчезли в его животе, а он трудился в поте лица ещё над одним. Мне показалось, что он порядком раздался в размерах.

Бабушка ласково сказала:

– Наверное, с тебя уже хватит, малыш, – и осторожно перенесла его из вазы на столик. – Пора тебя вернуть в лоно твоей семьи. Как ты думаешь, Бруно?

Бруно недовольно нахмурился. Я даже не представлял себе раньше, что мыши умеют сердиться и хмуриться, но Бруно сумел выразить все эти чувства.

– Мои родители разрешают мне есть столько, сколько я хочу, – недовольно сказал он. – Разумеется, я лучше отправлюсь к ним.

– Конечно, конечно, – поддержала его бабушка. – Как ты думаешь, где они могут быть сейчас?

Я поспешил уточнить:

– Когда мы бежали сюда из зала для игры в мяч, я видел их в комнате отдыха.

– Ну что же, – сказала бабушка, – пойдёмте туда, посмотрим, там ли они ещё.

– Ты с нами? – спросила она меня.

– Я ответил, что пойду с удовольствием.

– Вот что, малыши, – сказала бабушка, – посажу-ка я вас в свою сумочку. Но сидите там тихо, чтобы никто вас не заметил. Но уж если вам захочется выглянуть, разрешаю вам высунуть только нос, и не больше!

Сумка у бабушки была прекрасная: широкая, из мягкой чёрной кожи, с застёжкой-молнией и с брелоком в виде панциря черепахи. Она посадила нас в сумку, но не застегнула её. Что касается меня, то я вовсе не беспокоился о том, увидят нас или нет: я был под защитой бабушки, поэтому ничего не боялся и, конечно, мне хотелось всё видеть. Я уселся в боковой карман, поближе к застёжке, оттуда мне было удобно высовывать голову и смотреть по сторонам. А Бруно, посаженный в сумку, неожиданно закричал:

– Отдайте мне кусок банана, который я не доел!

– Да, да! Конечно, – сразу согласилась бабушка, ешь, – только сиди спокойно, а то я не донесу тебя до твоих родителей!

Она повесила сумку через плечо и пошла спокойно по коридору, мягко постукивая по ковру своей палочкой.

На лифте мы спустились на первый этаж и направились в комнату отдыха. Родители Бруно действительно сидели там в удобных креслах перед низеньким столиком со стеклянной столешницей. Там были и другие люди, они тоже сидели в креслах, парами или большими группами, разговаривали, смеялись. И только мистер и миссис Дженкинс были как бы в стороне от всех: он читал газету, она молча что-то вязала. Я затих в своём укрытии, но перед этим, высунувшись из кармашка, я всё успел рассмотреть.

Моя милая бабушка, в красивой кружевной накидке, чуть слышно постукивая по ковру палочкой, направилась прямиком к столику мистера и миссис Дженкинс.

– Простите, вы – мистер и миссис Дженкинс? – мягким тоном спросила она.

Мистер Дженкинс, нахмутив брови, строго взглянул на бабушку поверх газеты:

– Да, это мы. Чем могу быть вам полезен, мадам?

– Боюсь, что у меня для вас ошеломляющая новость, мистер Дженкинс, – сказала бабушка. – Это касается вашего сына Бруно.

Миссис Дженкинс отложила вязанье:

– Что этот паршивец натворил ещё? Опять, наверное, что-нибудь утащил из кухни?

– Нет, – покачала головой бабушка, – на этот раз всё гораздо хуже. Не поискать ли нам с вами более укромное место для разговора?

– Для чего всё это, не понимаю! – пожал плечами мистер Дженкинс. – Мы привыкли к его выходкам.

Бабушка была настойчива. Она предложила мистеру и миссис Дженкинс пройти в их комнату, но тут отец Бруно возмутился:

– С какой стати я должен куда-то идти? Я не желаю никуда уходить отсюда ни для каких разговоров. Мне хорошо здесь и... благодарю вас!

Я смотрел на него из-под бабушкиной руки: он был довольно крупный мужчина, высокого роста, но вести себя прилично не умел. Мне показалось, что в разговоре с моей бабушкой он задирает нос, как будто она была продавцом негодного товара.

Я хорошо знал свою бабушку и чувствовал, что она едва сдерживает свой гнев. Но она очень спокойно сказала:

– Вы должны понять, что тема моего разговора деликатная. Я не могу вести его в присутствии стольких людей. Он касается только вас.

Отец Бруно заносчиво прервал её:

– Я буду говорить с вами там, где мне удобно, так что начинайте, мадам! И поторопитесь, я жду! Если Бруно разбил окно или раздавил ваши очки, не волнуйтесь, я всё оплачу. Но для этого я даже не пошевелинусь, и мне совсем не нужно уходить с этого места.

Слыша, какой оборот принимает разговор, я высунулся чуть-чуть из кармана бабушкиной сумки и увидел, что некоторые люди примолкли и начали прислушиваться к громкому голосу мистера Дженкинса.

– А где же сам Бруно? – уже гремел мистер Дженкинс. – Почему мы говорим о нём в его отсутствие? Пришлите его ко мне!

– Вы хотите его видеть? – удивительно спокойно произнесла моя бабушка. – Ну что же, он уже здесь! Бруно сидит в моей сумочке, вот тут, – и она похлопала ладонью по сумке, висящей у неё через плечо.

– Что за чушь, мадам? – возмутился отец Бруно. – Как он может сидеть в вашей сумке? – Он почти кричал, казалось, ещё немного, и он задохнётся от гнева.

Супруга мистера Дженкинса чопорно взглянула на бабушку:

– Вы, очевидно, хотите нас позабавить неуместной шуткой?

– К сожалению, никаких шуток, – грустно возразила бабушка. – Дело в том, что ваш сын попал в большую беду.

– Он постоянно попадает в какую-нибудь беду, – заметил мистер Дженкинс уже более спокойным тоном. – Для нас это – вполне привычно: то он что-нибудь ломает, то он объестся так, что потом ужасно страдает, бурчит

и бурлит, как джазовая группа. Но, знаете ли, в этом случае достаточно одной ложки касторки, чтобы привести его в нормальное состояние. Так что натворил этот маленький нахал сейчас, и всё же, где он?

– Я уже сказала вам, – мягко ответила бабушка. – Он в моей сумочке. Но всё же я предлагаю вам перейти для дальнейшего разговора в вашу комнату, там вы сможете спокойно встретиться с Бруно и поговорить с ним.

– Сумасшедшая, – убеждённо сказала миссис Дженкинс своему мужу. – Попроси её, пожалуйста, уйти.

Бабушка словно не слышала. Обращаясь к мистеру Дженкинсу, она сказала:

– Дело в том, что с вашим сыном произошла жестокая, крутая перемена...

– Какого дьявола?! – опять не выдержал отец Бруно, вновь повысив голос.
– Что вы имеете в виду?!

– Нет, нет! – не унималась его супруга. – Пусть эта ненормальная скорее уйдёт!

– Я всё время пытаюсь вам объяснить... – настойчиво продолжала бабушка, – мой родной внук видел, как они сделали это ...

– Видел что? Кто и что с ним сделал, ради всего святого, – вы можете сказать толком? – заорал мистер Дженкинс, и его огромные чёрные усы запрыгали вверх и вниз.

– Мой внук видел своими глазами, как ведьмы превратили вашего Бруно в мышь, – тихо произнесла бабушка.

– Дорогой, пригласи сюда, пожалуйста, директора отеля, – опять вмешалась миссис Дженкинс, – её нужно просто вышвырнуть отсюда!

Терпение моей бабушки лопнуло, она пошарила осторожно в сумке и извлекла на свет божий Бруно, а потом бережно поставила его на стеклянную крышку стола.

Только один взгляд бросила миссис Дженкинс на раздувшегося от еды мышонка, который чавкал, держа в лапках всё ещё недоеденный кусок банана. Только один взгляд... и она завизжала так пронзительно, что сразу

зазвенели хрустальные подвески большой люстры. Миссис Дженкинс выскочила из кресла с безумным воплем:

– Это мышь! Мышь! Уберите её прочь! Я не выношу мышей!

– Но это же ваш Бруно, – остановила её бабушка.

– Вы наглая, злобная старуха! – заорал во весь голос мистер Дженкинс.

Он скрутил свою газету и стал лупить ею по столу, пытаясь сбросить на пол своего несчастного сына. А тот, несмотря на свой огромный живот, довольно ловко увёртывался от этих ударов.

Бабушка протянула к столу руку и успела подхватить мышонка, пока его не успел огреть газетой разъярённый папаша. Миссис Дженкинс продолжала вопить с обезумевшими от страха глазами, а над всеми нами горой возвышался мистер Дженкинс, крича даже громче своей жены:

– Вон отсюда! Как вы смее пугать мою жену?! Немедленно забирайте свою грязную мышь, и чтобы мы вас больше не видели!

– Помогите! Да помогите же!!! – перекрывая крик мужа своим визгом, миссис Дженкинс уже явно обращалась к окружавшим нас посетителям комнаты отдыха.

– Ну что же, – вздохнула бабушка. – Я сделала всё, что могла!

С этими словами она посадила Бруно в сумочку и спокойно и гордо удалилась вместе с нами обоими под непрекращающиеся крики супружеской пары.

План

Совершенно измученные, вошли мы в бабушкину спальню. Здесь она посадила нас на стол, и тут уже я дал волю своему гневу.

– Почему же ты сам не сказал им ничего? – с возмущением набросился я на Бруно.

– Потому что я ел банан, – объяснил Бруно. Он снова ловко запрыгнул в вазу с фруктами, чтобы продолжить свою трапезу.

– Ну и противный же ты мальчишка! – не стерпела бабушка.

– Никакой не мальчишка! – вспыхнул я. – Мышь!

– Ну хорошо, дружок, – пыталась успокоить меня бабушка. – Сейчас не время ссориться. Ведь через полтора часа все ведьмы соберутся в столовой на ужин. И каждая из них должна получить свою порцию «Формулы-86». Так что же нам предпринять?

– Ты опять забываешь, бабушка, что мыши могут проникнуть туда, куда человеку ни за что не попасть!

– Разумеется, ты прав, – согласилась со мной бабушка. – Но ведь даже мышка не может бегать по столу в обнимку с бутылочкой яда и подливать его каждой леди в её тарелку.

– А я и не собираюсь делать это в столовой, – обиделся я. – Гораздо проще пробраться на кухню! Как раз сейчас там готовят для них ужин.

– Ах, малыш! – восхищённо поглядела на меня бабушка. – Мне кажется, что, превратившись в мышь, ты стал в десять раз сообразительней!

Я попытался объяснить бабушке, как ловко может бегать мышка среди кухонной утвари, не замеченная никем, а бабушка только улыбалась мне и кивала.

Но тут я задумался: а как же я узнаю, что именно готовят ведьмам на ужин? Я бы совсем не хотел влить ведьмин коктейль в еду, предназначенную для ни в чём не повинных людей. А вдруг яд попал бы в тарелку моей дорогой бабушки? Я поделился с ней своими сомнениями. И тогда она предложила мне следующее: незаметно прокрасться на кухню, тихонько залезть в тёмную щёлку, смотреть и слушать. Повара обязательно будут говорить между собой о том, кто, что и для кого готовит. Надо только внимательно слушать. Когда на кухне готовят ужин для большой группы людей, это всегда делается отдельно от других порций.

– Но имей в виду, – предупредила бабушка, – это очень опасная затея. Будь готов к тому, что повара совсем не обрадуются мышке на кухне! Если кто-то заметит тебя, они сделают всё, чтобы тебя поймать и тогда... сам понимаешь!

– Не бойся, я не попадусь! – заверил я бабушку.

– И тебе ведь нужно будет всё время таскать с собой этот флакон! Ты не сможешь с ним бегать быстро... И удастся ли тебе удрать от них?

– Не волнуйся, ведь я уже бегал с этим флаконом в обнимку на задних лапках. Помнишь, когда спасался из комнаты Великой старшей ведьмы?

– Ну хорошо, а как ты отвинтишь крышку флакона? Порой и людям это не всегда под силу.

Я тут же решил продемонстрировать, как это я делаю, и у меня хорошо получилось.

– Великолепно! – восхитилась бабушка.

Между тем время приближалось к половине восьмого. Бабушка решила спуститься вниз, в столовую, посадив меня, вместе с заветным флаконом, в свою сумочку. Наш план был таков: она тихонько опускает меня под столом на пол, и я, прячась меж ножек столов и стульев, пробираюсь к двери, ведущей на кухню. Эта дверь часто открывается, ведь в столовую из кухни постоянно заходят официанты. И когда дверь будет открыта, мне нужно будет незаметно проскользнуть на кухню. И постараться, чтобы на меня не наступили и не прищемили хвост.

– Помни, пожалуйста, что бы ни случилось, не давайся им в руки! Не дай себя поймать!

– Ну хватит об этом, бабушка! – прервал я её. – А то от твоих предостережений я начинаю волноваться!

– Нет, нет! Я верю, ты храбрый парень. И помни, что я очень тебя люблю! Я знаю, конечно, что с тобой ничего не случится.

Я решил сменить тему разговора:

– А что же нам делать с Бруно?

Услышав своё имя, Бруно перестал жевать и поднял мордочку:

– Я иду с вами, – заявил он твёрдо. – Я совсем не собираюсь пропускать свой ужин!

После минутного раздумья бабушка сказала:

– Я беру тебя с собой, но поклянись мне, что будешь тихо сидеть в моей сумочке и не шелохнёшься!

– А как же мой ужин? Вы будете подавать мне его в сумочку со своего стола?

– Конечно, – уверила обжору бабушка. – Но только при одном условии: ты будешь вести себя хорошо! Ну а ты, мой дорогой, ты хотел бы поесть?

– Нет, – ответил я. – Если я поем, то буду не в форме, а я и так волнуюсь. Мне нужно быстро бегать.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась бабушка. – Тебе предстоит большая работа. Такого ты ещё не делал никогда!

На кухне

– Пора! – объявила бабушка торжественно. – Наступает важный момент! Ты готов, дружок?

Часы показывали половину восьмого. Бруно всё ещё сидел во фруктовой вазе, приканчивая очередной банан.

– Подождите, – сказал он, – ещё немного!

– Ну уж нет! – решительно отрезала бабушка. – Нам пора идти, а ты, если ещё не наелся, можешь оставаться здесь!

С этими словами она сжала Бруно в ладони, может быть, излишне крепко, оттого что и сама волновалась. Такой я её ни разу не видел.

– Я посажу вас обоих снова в сумочку, но не закрою её, – пояснила она.

Сначала бабушка устроила в сумочке Бруно, а потом подняла меня (флаконт свой я крепко сжимал лапками) и нежно чмокнула меня в нос:

– Удачи, тебе! А кстати, ты ведь помнишь, что у тебя есть хвостик? И довольно длинный. Он может тебе пригодиться, когда ты будешь карабкаться вверх: ты сумеешь обвить своим хвостиком какой-нибудь подходящий предмет и повиснуть на нём. Не забывай об этом!

Я подумал: «А жаль, что мы не вспомнили о хвосте раньше! Тогда бы я воспользовался им для тренировки перед началом такой серьёзной операции».

Но было уже поздно. Бабушка взяла свою палочку и направилась к лифту. В сумке я занял опять свой наблюдательный пост в боковом кармашке, но на всём нашем пути по коридору к лифту нам так никто и не встретился.

В лифте бабушка тихо сказала нам:

– Учтите, что в столовой я уже не смогу разговаривать с вами. Ведь если кто-нибудь заметит, что я разговариваю со своей сумкой, то меня примут за ненормальную.

Лифт остановился на первом этаже, и бабушка, пройдя спокойно через вестибюль, вошла в столовую. Это был огромный зал с расписным потолком и зеркальными стенами. Постоянные обитатели отеля сидели на своих местах, и многим из них уже принесли ужин. Официанты ловко скользили между столами с полными подносами.

Наш стол был небольшой, и находился он почти в центре зала. Когда бабушка села и поставила на пол сумочку, я осторожно выглянул из неё и увидел, что два длинных стола ещё были не заняты. На этих пустующих пока столах были расставлены таблички на серебряных стоечках, оповещающие всех, что они зарезервированы за членами КОПЖД.

Бабушка тоже обратила внимание на это, но не проронила ни слова. Она развернула свой красивый носовой платок и набросила его на сумку, успев под платком отыскать меня рукой и осторожно вынуть оттуда. Держа меня, накрытого платком, у своего лица, она прошептала:

– Я опущу тебя сейчас вниз на пол, скатерти на столах почти до пола, так что тебя не заметят. Ты взял флакон?

Я также тихо ответил, что держу флакон и готов бежать ко входу на кухню.

Как раз в эту минуту к нашему столу подошёл официант. Когда он заговорил, я узнал его по голосу. Это был Уильям. Он приветливо поздоровался с бабушкой и вежливо спросил:

– А где же наш маленький джентльмен?

– Он нездоров и остался в спальне, – ответила бабушка.

– Очень жаль, – искренне огорчился Уильям. – У нас сегодня приготовили вкусный суп с зелёным горошком, а на второе – отличное рыбное филе или, по выбору, жареный ягнёнок.

Бабушка сделала заказ и попросила официанта не спешить, поскольку она хочет спокойно посидеть и отдохнуть за хорошо сервированным столом, с рюмочкой хереса.

Уильям ушёл, а бабушка тотчас сделала вид, что уронила на пол платок. И когда она наклонилась, чтобы поднять его, я выскользнул из-под платка и спрятался за ножкой стола.

– Беги, милый, беги, – шепнула мне она, выпрямляясь на стуле.

С этого момента я был предоставлен самому себе. Я постоял недолго под столом, прижимая к себе драгоценный флакон и размышляя о том, как пробегу почти половину огромной столовой до дверей, ведущих в кухню. В своей комнате наверху мне представлялось всё значительно проще.

Но надо было действовать! Я выскочил из-под стола и прижался к стене: не бежать же мне через весь зал, на виду у всех!

Я решил как можно плотнее прилипнуть к плинтусу, он был широкий и тёмного цвета, и рвануть вдоль него до самой кухни. Но на этом пути был один особенно опасный участок: открытое пространство перед широкими входными дверями в столовую. Однако раздумывать было уже некогда, и я побежал! Да что там побежал... я, как говорится, просто рвал когти!

Мне удалось преодолеть эту часть пути незамеченным. Все были настолько увлечены вкусным ужином, что им некогда было смотреть, кто там несётся вдоль тёмного плинтуса. Однако мне пришлось притормозить перед открывающимися в этот момент входными дверями: в столовую шумно входила большая группа женщин.

Заслоняя собой заветный флакон, я вжался в плинтус, различая только многочисленные женские туфельки. Однако, подняв глаза, я с ужасом узнал некоторые знакомые мне лица: это были ведьмы! Дождавшись, пока они пройдут, я помчался дальше к двери на кухню, благо к этому времени она была ещё довольно широко открыта. Вслед за официантом я проскользнул внутрь и спрятался за большим мусорным баком у самой двери. Некоторое время я сидел там, вслушиваясь в громкие разговоры поваров и официантов.

Честное слово, я никогда не думал, что на кухне может быть такое. Сплошной шум, гам, низко висящий пар в воздухе, какие-то выкрики, чьи-то команды, звон и грохот многочисленных сковородок и кастрюль! Повара не просто разговаривают друг с другом – нет, они орут, стараясь перекричать весь этот шум. В кухню ежеминутно влетают официанты, громко требуя что-то и отдавая команды поварам:

– Четыре супа, два ягнёнка и две рыбы на двадцать восьмой! Три яблочных пирога на семнадцатый! Две порции земляничного мороженого на восьмой! И так без конца.

Оглядевшись, я заметил над своей головой ручку мусорного бака. Вспомнив наш последний разговор с бабушкой, я подпрыгнул как можно выше, в воздухе сумел перевернуться через голову и зацепился хвостом за ручку бака. Повиснув на ней вниз головой, я раскачивался изо всех сил, словно я был уже не я, а цирковой акробат, со свистом рассекающий воздух под самым куполом цирка. Ощущение было жутким, но и прекрасным одновременно! По сравнению с акробатом, который мог на трапеции крутиться только вперёд или назад, я на своём хвосте поворачивался в любом направлении.

«А что, – мелькнула у меня мысль, – пожалуй, я вполне мог бы стать дрессированной мышью!»

В это время в помещение вошёл официант с тарелкой в руках и громко объявил:

– Старая карга за четырнадцатым столом заявила, что мясо жёсткое, и требует замены. Другую порцию, быстро!

Один из поваров крикнул:

– Давай сюда её тарелку.

Я шлёпнулся на пол и огляделся: повар скинул с тарелки кусок мяса и положил другой. А потом подозвал своих товарищей и предложил им:

– Добавим-ка ей немного соуса!

С ужасом, от которого моя шёрстка на спине вздыбилась, я наблюдал, как все повара, присутствовавшие на кухне, со смехом смачивали кусок мяса своей слюной.

– Ну теперь-то уж точно она будет довольна! – захохотал повар, возвращая тарелку официанту.

Тут же в кухню вошёл другой официант с возгласом:

– Вся компания из КОПЖД пожелала суп!

Я замер и стал внимательно наблюдать, весь обратившись в слух. Высунув голову из-за бака, я видел, что повар в высоком белом колпаке, наверное шеф-повар, приказал:

– Большую серебряную супницу!

И тут же на широкую деревянную скамью, что тянулась вдоль всей противоположной стены, поставили громадную серебряную посудину с красиво изогнутыми ручками.

«Так вот куда нальют суп для ведьм! – подумал я. – Значит, мне нужно будет вылить содержимое моего флакона именно в неё!»

Высоко под потолком, прямо над деревянной скамьёй, куда поставили супницу, висела длинная полка, буквально забитая доверху всякой кухонной утварью: сковородками, сотейниками, кастрюлями.

«Как бы попасть туда? – подумал я. – Если я доберусь туда, то окажусь как раз над этой супницей, и тогда можно сказать, что дело в шляпе!»

Но для этого нужно было пересечь всю кухню и забраться на эту полку.

И мне пришла в голову прекрасная идея: я вновь подпрыгнул, зацепился хвостом за ручку бака и, прижимая флакон с зельем к груди, начал раскачиваться изо всех сил, с каждым разом взлетая всё выше и выше, словно настоящий циркач. Подобное я видел в цирке, куда ходил ещё с мамой: там акробат, взлетая на трапеции всё выше и выше, неожиданно разжимал руки, отпуская трапецию, и летел вперёд по воздуху, в конце своего полёта успевая ухватиться за другую, встречную, трапецию.

Вспоминая то, что я видел в цирке, я раскачался на своём хвосте так, что сила инерции подбросила меня к потолку, и я воспарил над кухней, перелетев всё пространство до противоположной стены и свалившись как раз на полку с посудой.

«Ай да молодец! – похвалил я себя. – Как много всё-таки может мышь!»

Но главное было то, что я удержал в целости свой драгоценный флакон!

В кухне каждый был занят своим делом, поэтому никто не обратил внимания на мой полёт. Меня не заметили. С места своей посадки я вскочил на водопроводную трубу, а оттуда в щель между посудинами, стоявшими на полке. Теперь я был полностью уверен, что меня здесь не заметят, а серебряная супница была прямо подо мной. Нельзя было выбрать места более удачного для исполнения моего замысла!

Один из поваров подошёл к скамье с огромной кастрюлей супа в руках и вылил её содержимое в серебряную посудину. Когда же он отошёл за серебряной крышкой, я быстро отвинтил пробочку флакона и вылил содержимое бутылочки, все пятьсот доз, прямо в горячий суп!

Повар вернулся с крышкой, закрыл супницу и зычно крикнул:

– Суп для дам из КОПЖД готов!

Тут же возникший официант немедленно унёс серебряный сосуд в столовую.

Я был доволен! Ура! Получилось! Даже если мне не удастся вернуться живым и невредимым к моей бабушке, всё равно ведьмы станут жертвами своего колдовского варева!

Я спрятал флакончик подальше, между кастрюлями, и начал пробираться обратно. Без флакона в лапках я двигался намного увереннее и смелее. Я бежал, время от времени цепляясь хвостом за ручки разной кухонной утвари, чтобы прыгнуть дальше. И всё время слушал, что кричат внизу подо мной люди в кухне. А там кипела жизнь: над громадными чайниками поднимался пар, в котлах что-то бурлило, прибежали официанты.

«Какая всё-таки интересная жизнь у мышей, – подумал я, – особенно у тех, кто способен на такие акробатические трюки».

Но в конце концов я так увлёкся своими акробатическими подвигами, качанием на хвосте, полётами и прыжками, что на мгновение забыл, где я. Забыл, что для меня опасен любой случайно брошенный на меня взгляд. И это случилось довольно быстро, я не успел даже затаиться. Я только услышал дикий вопль, перекрывающий весь остальной шум:

– Мышь! Смотрите, грязная, мерзкая мышь!

Краем глаза я успел заметить высокую фигуру в белой куртке и белом колпаке прямо под собой, в воздухе блеснула сталь ножа, взлетевшего вверх, и я сразу

почувствовал острую боль: нож зацепил мой хвост. И тут же я начал стремительно падать, падать... и вот я уже на полу.

Только оказавшись на полу, я понял, что случилось. Произошла катастрофа! Мало того, что я потерял кончик хвоста, отхваченный острым ножом, но теперь у всех на виду мне предстояло загнанно мчаться через всю кухню, под злобные крики:

– Мышь! Дави её! Лови!

Всё же я собрался с духом и вскочил, чтобы бежать вперёд. Ведь речь шла о жизни или смерти! Но передо мной стеной стояли чёрные башмаки поваров, каждый старался наступить на меня или поддать мне в бок, а я, пытаюсь увернуться, подскакивая и прыгая из стороны в сторону, мчался вперёд. Надо мной гремели голоса:

– Хватай! Убить её! Дави скорее!

В полном отчаянии мчался я среди множества ног, увёртываясь от ударов. Я уже плохо соображал, куда бегу. Спасением могла быть любая щель, дырка – хоть где-нибудь, только чтобы спрятаться там и перевести дыхание.

В изнеможении я бросился на чью-то ногу, залез под белую штанину и прильнул к ноге человека, обтянутой мягким носком. Повар закричал:

– Чёрт возьми! Вы посмотрите-ка! Эта мышь висит у меня на ноге! Ребята! Хватайте её, пока она здесь!

И он начал с силой хлопать ладонью по своей ноге.

Я понял, что мне несдобровать и через пару секунд его огромная лапища прихлопнет меня насмерть. Надо было бежать, но куда? Бежать вверх! Я вонзил свои крохотные коготочки в волосатую ногу повара повыше мягкого носка и начал карабкаться вверх.

– Ах чтоб тебя! – вскричал повар. – Братцы, она ползёт по моей ноге!

Я услышал, кроме возмущённых криков повара, ещё и смех окружающих его товарищей. Но мне было не до смеха! Я просто спасал свою жизнь.

Мой повар начал прыгать на месте, словно он стоял на раскалённых углях, не переставая хлопать себя огромными ручищами по ноге. Мне оставалось только ползти всё выше и выше, увёртываясь от этих ударов, пока я не добрался до его пояса. Дальше пути не было!

– Да помогите же мне, чёрт возьми! – простонал повар. – Я больше не могу! Она защекочет меня до смерти!

– Снимай скорей штаны! – неслоь со всех сторон. – Чудак! Снимай брюки, и мы её схватим!

Как здесь было темно и жарко! Но всё же я нашёл выход! Я с трудом пролез вдоль пояса и очутился в другой штанине и, не задерживаясь здесь, молниеносно скатился вниз и снова оказался на полу!

Повар ещё продолжал кричать под громкий хохот окружавших его, призывая:

– Ну помогите же! Хоть кто-нибудь! Я боюсь, она меня укусит!

А я тем временем, не глядя на обступивших моего спасителя поваров, мальчиков из obsługi, официантов, весело хохотавших, моментально пронёсся между их ног и юркнул в мешок с картошкой. Там я залез в щель между большими картофелинами и затаил дыхание.

По-видимому, мой повар действительно начал снимать брюки, поскольку окружающие начали кричать:

– Да нет же там никого! Вот балбес! Где же твоя мышь?

Повар растерянно оправдывался:

– Была! Клянусь, ползла по мне! По штанине прямо вверх! Не представляете, какой это кошмар!

Я и не думал, что такое крохотное существо, как мышь, может произвести подобный переполох, наделать столько шума и поселить ужас в сердце взрослого человека. Видя, как суетятся, хохочут, размахивают руками эти громадные, в сравнении со мной, мужчины, я улыбался в своём убежище.

Довольно долго просидел я в мешке с картошкой, пока не убедился, что люди забыли про меня. Лишь тогда с величайшей осторожностью выглянул я из мешка. Кухня по-прежнему пребывала в суете и суматохе. Я даже узнал того официанта, который приносил тарелку с жёстким мясом от привередливой леди. Он весело крикнул с порога:

– Эй, ребята, старая карга осталась очень довольна новой порцией отлично приготовленного мяса!

Мне же хотелось как можно быстрее убраться отсюда и поскорее оказаться под защитой моей бабушки!

Но для этого мне надо было выбраться незаметно из мешка, а потом промчаться до дверей, ведущих из кухни в столовый зал.

В ожидании удобного момента я решил осмотреть свою рану. Нож повара отхватил самый кончик хвоста, и он кровоточил. И тут я заметил, что официант с громадным подносом, заставленным большим количеством порций мороженого, собирается выходить. Он очень осторожно, стараясь сохранить равновесие, широко открыл дверь, придерживая одну из её створок плечом.

Я пулей выскочил из своего укрытия, молнией проскочил в открытую дверь и в мгновение ока долетел до бабушкиного стола. Под ним, скрытый от чужих глаз длинной скатертью, я смог наконец отдышаться. Я сразу успокоился рядом с бабушкиными башмачками – старомодными, с пуговичками и пряжками, но такими мне родными!

По бабушкиной юбке я потихоньку вскарабкался на её колени и прошептал:

– Привет, это я! Я вернулся, мне всё удалось, и весь флакон в их серебряной супнице!

Бабушкина рука приласкала меня, и я услышал, как она прошептала мне в ответ:

– Какой молодец! Ты хорошо это придумал, они как раз сейчас едят свой суп.

Но тут рука её дрогнула:

– Что они сделали с тобой? Я чувствую кровь на руке.

И мне пришлось вкратце прошептать ей всё, что произошло со мной на кухне.

Слушая меня, она достала из сумочки кружевной платочек и перевязала мою рану.

– Бедный, бедный мой, – приговаривала она при этом шёпотом, – постарайся поскорее обо всём забыть. А тебе и вправду удалось вылить весь флакон в суп?

– До капли! – опять шёпотом, но радостно подтвердил я. – Бабушка, – взмолился я, – мне так хочется посмотреть!

Бабушка, внемля моей просьбе, поставила сумочку на пустующий стул и осторожно пересадила меня со своего колена в сумочку. Бруно по-прежнему сидел там и уписывал за обе щеки какое-то лакомство.

– Привет, Бруно, – сказал я ему, и он тут же показал мне свою добычу:

– Посмотри, какая вкусная булочка, жаль только, что без масла.

С осторожностью высунул я нос из сумочки: недалеко от нашего стола сидели ведьмы. Они уже покончили с супом, и официант в это время собирал на поднос тарелки с их стола.

Моя милая бабушка устроилась поудобнее и разожгла одну из своих чёрных сигар. Время от времени облачко дыма окутывало меня, скрывая от посторонних глаз. В зале было шумно: постояльцы с удовольствием ужинали, весело разговаривая при этом. Здесь были люди пожилые, как моя бабушка, некоторые с палочками или с тростями, но было и много молодых семейств с уймой симпатичных ребятишек. Видно было, что все они люди состоятельные. Ещё бы! Не каждый мог позволить себе поселиться летом в таком отеле у самого моря!

– Бабушка! Посмотри скорее вон туда, это и есть Великая старшая ведьма!

Едва пошевелив губами, бабушка прошептала:

– Я знаю, я ведь видела её на балконе, она самая низкорослая и сидит во главе стола.

– Но ведь она может убить тебя одним взглядом! Сжигающими искрами!

– Тебе бы лучше спрятаться, – спокойно сказала бабушка. – К нам идёт официант.

И тут я услышал шаги Уильяма.

– Ваш ягнёнок, мадам, – сказал он. – А какой подать гарнир?

– Морковь, пожалуйста, – приветливо ответила бабушка, потом раздался лёгкий стук расставляемых на столе тарелок и удаляющиеся шаги.

– Он ушёл, – прошептала бабушка, и я снова осторожно высунул голову из сумки.

– Не бойся, тебя не видно, – сказала мне бабушка, – но вот мне всё время приходится изощряться, чтобы поговорить с тобой и ещё стараться при этом не шевелить губами.

– У тебя отлично получается! – похвалил я её.

– Знаешь, милый, – продолжала она, – я сосчитала всех ведьм. Их, оказывается, и не так уж много, я думала, что в Англии их значительно больше. А их всего восемьдесят четыре.

– Было восемьдесят пять, – откликнулся я. – Ты помнишь, что одну сожгли?

В этот момент я увидел, что к нашему столу приближается мистер Дженкинс.

– Бабушка, – только и успел шепнуть я, – оглянись скорее!

Мистер Дженкинс и его сынок

К нашему столу широкими шагами приближался отец Бруно. Вид у него был решительный и ничего хорошего не предвещал.

– Где ваш внук? – строго спросил он голосом, в котором звучал металл. Видно было, что он едва сдерживает гнев.

Бабушка окинула его ледяным взглядом и ничего не ответила.

– Я подозреваю, – продолжал мистер Дженкинс, – что они с Бруно затеяли какую-то проказу, поэтому их нет в столовой! Я знаю, что ничто в мире не заставит Бруно пропустить свой ужин! Это не в его привычке – отказываться от вкусностей!

– Да, аппетит у вашего сына завидный, – холодно заметила бабушка, не глядя на мистера Дженкинса.

– А мне почему-то кажется, что вы, мадам, замешаны в их проделках. Не имею чести знать, кто вы, впрочем, меня это и не интересует, но вы сыграли

отличную шутку со мной и моей женой. Вы посадили грязную мышь нам на стол. В чём заключается смысл этой шутки, в которой, я уверен, вы замешаны все трое? Ответьте, где именно находится мой сын?!

– Увы, это была не шутка, – наконец повернулась к нему бабушка. – Эта мышь – действительно ваш сын. Я пыталась объяснить вам это как можно мягче. Я должна была вернуть вам вашего сына, но вы не стали меня слушать и отвергли его.

– Какого чёрта?! – опять было возвысил голос отец Бруно, но тут же осёкся: – То есть я хотел сказать, что вы имели в виду, мадам? – И тут же опять загремел во весь голос: – Мой сын – не мышь!

Усы, как и раньше, запрыгали вверх и вниз, взгляд стал безумным.

– Я требую от вас ответа: где мой сын? Отвечайте немедленно!

Все, кто ужинал за соседними столами, прекратили разговоры и в полном молчании уставились на мистера Дженкинса и бабушку.

Бабушка, как будто всё это её не касалось, молчала, затягиваясь сигарой с совершенно безмятежным выражением лица. Она молчала довольно долго, только облачка сигарного дыма окутывали её голову, и лишь спустя несколько минут она произнесла:

– Мне понятен ваш гнев, мистер Дженкинс. На вашем месте любой другой отец в Англии испытал бы те же чувства. Но я сама – родом из Норвегии, и мы, норвежцы, более привычны к подобным происшествиям. Мы умеем принимать их последствия с достоинством, понимая, что это тоже часть нашей жизни.

– Вы действительно сумасшедшая! – воскликнул несчастный отец. – Или вы возвращаете нам Бруно, или я немедленно вызываю полицию!

– Но ваш Бруно теперь мышонок, – как можно хладнокровнее ответила бабушка.

И вдруг из её сумочки раздался голос Бруно:

– Это правда, папа... – И он высунул оттуда свою мордочку.

Потрясённый мистер Дженкинс в растерянности присел на мой стул. Бруно продолжал:

– Привет, папа!

Он даже пытался робко улыбнуться, но улыбку мышонка трудно назвать настоящей улыбкой. Его отец как будто окаменел, широко открыв рот. А Бруно определённо разговорился:

– Ты не волнуйся, папа. Всё обстоит не так уж плохо, если только какая-нибудь кошка меня не съест. Но зато мне не нужно ходить в школу. И дома не буду сидеть над уроками и учебниками. И кормить меня вам проще: я просто перееду жить в кухонный буфет, поближе к изюму и шоколаду. Там и попирую!

Он опять попытался улыбнуться, но, честно говоря, всё это выглядело довольно глупо.

Мистер Дженкинс хотел что-то произнести, но у него не получилось. Наконец, заикаясь, он прошептал:

– Н-но, Б-Б-Бруно! К-к-как эт-т-то произошло?

Бедный джентльмен! Он был совершенно уничтожен свалившимся на него несчастьем, даже усы опустились. Я бы сказал, что паруса этой большой яхты обвисли навсегда!

– Это всё сделали ведьмы, – опять попыталась объяснить происшедшее бабушка.

– Но я не хочу иметь такого сына! – взвизгнул мистер Дженкинс.

– И тем не менее это ваш сын. Будьте с ним поласковее, – мягко сказала ему бабушка.

– Боже! А моя жена?! Она ведь боится их! Она просто сойдёт с ума...

– Да, ей будет нелегко привыкнуть, – согласилась с ним бабушка. – Надеюсь, у вас дома нет кошки?

– Есть! Есть! Есть! – в отчаянии воскликнул бедный отец Бруно. – У моей жены дома есть её любимая кошка Топси.

– Значит, вам предстоит расстаться с ней: вы ведь понимаете, что для вас и вашей супруги сын дороже.

– Конечно, – подтвердил из глубины сумки Бруно. – Скажи маме, что я ни за что не вернусь домой, пока в доме будет Топси.

Теперь уже добрая половина ужинавших заинтересованно вслушивалась в разговоры за нашим столом. Никто не мог взять в толк, из-за чего разгорелся весь этот

сыр-бор. К тому же никто не видел Бруно, так и не выглянувшего из бабушкиной сумки.

– А теперь, – громко произнесла бабушка, явно обращаясь ко всем, кто мог её слышать, – теперь посмотрите на тех, кто превратил наших мальчиков в мышей!

– Кто они? Где? – громче всех возопил мистер Дженкинс.

– Посмотрите на эту маленькую женщину в чёрном во главе вон того стола, – громко продолжала бабушка.

– Я её знаю, – оглянувшись, сказал мистер Дженкинс, – это президент Королевского обще...

– Нет, нет и нет! – прервала его бабушка. – Это Великая старшая ведьма, главная ведьма над всеми ведьмами мира!

– Как?! Эта тощая тётка?! – вскричал мистер Дженкинс, с безумным видом тыча пальцем в Великую ведьму. – Да я пошлю к ней немедленно своих адвокатов! Она заплатит мне за эти проделки своей шкурой!

– Не будьте так опрометчивы, – остановила его бабушка. – Не забудьте, что она обладает магической силой и властью. Она может убить вас одним взглядом или превратить вас в таракана...

– Меня?! – загремел отец Бруно, надувая щёки и выпячивая грудь. – Пусть только попробует!

Он круто повернулся и двинулся решительным шагом к столу, где восседали ведьмы. Мы с бабушкой замерли, даже Бруно выскочил на стол, чтобы наблюдать за своим папочкой.

Теперь уже все присутствовавшие в столовой смотрели на мистера Дженкинса. А я сидел в сумке, едва высунув голову. Мне было ясно, что лучше пока не показываться.

Триумф

Мистер Дженкинс ещё не успел подойти к столам ведьм, как раздался раздирающий душу крик, тут же перешедший в визг, перекрывший шум в столовой. И тут я увидел... Боже, что я увидел!... Великая старшая ведьма на глазах у всех вдруг

взлетела в воздух: со стула – на стол, вот она, вытянувшись над своим столом, машет руками по-птичьи, словно крыльями.

Я было вознамерился выползти из сумки, но бабушка сказала:

– Сиди спокойно. Надо ещё подождать немного.

Внезапно все остальные ведьмы подняли отчаянный визг, переходящий в горестный вой. Они уже не сидели за столами, а стояли на своих стульях, а потом одна за другой начали прыгать на столы, словно кто-то невидимый подталкивал их снизу. При этом они странно извивались, махали руками, и зрелище восьмидесяти пар трепещущих рук производило ужасное и завораживающее впечатление. Многим стало не по себе.

– Бабушка, – сказал я, – они скукоживаются, я это знаю, со мной такое уже было. Это начала действовать их «Формула-86». Посмотри, на их лицах уже появилась шерсть! Но мне кажется, что всё происходит очень быстро!

– Но ты ведь сам понимаешь, – ласково сказала бабушка, – что ведьмы получили не по капле этой «Формулы», а пятьсот доз на восемьдесят персон.

Поэтому-то их «будильник» дал сигнал намного раньше, как и в случае с тобой, правда?

Все посетители столовой давно оставили свои места и смотрели на происходящее широко открытыми глазами, наполненными ужасом. Многие с осторожностью подходили поближе, и вскоре ведьмы были окружены плотной толпой. Некоторые из тех, кто встали из-за своих столов, так и подошли с накрахмаленными салфетками за воротничками.

И через несколько минут произошло самое главное: поверхности длинных столов, где только что размахивали руками ведьмы, миг опустели, не было там ни извивающихся, ни окаменевших фигур, а на столах забегали стаи мышей, сновавших между тарелками.

Женщины, увидевшие это мгновенное превращение, подняли страшный визг, даже многие мужчины, спокойно воспринимавшие происходящее, невольно побледнели. Раздались возгласы:

– Что здесь происходит?! Это безумие! Этого не может быть! Кошмар! Надо скорее уезжать отсюда!

По столовой забежали испуганные официанты, они смахивали мышей со стола салфетками, полотенцами, бросали в них столовые приборы, бутылки, даже стулья – словом, всё, что оказывалось под рукой. Из кухни выскочил шеф-повар в высоком белом колпаке, размахивая огромной сковородой. Кто-то позади него сгонял мышей со стола большим сверкающим ножом. В столовой не стихало:

– Мыши! Мыши!

И только дети, единственные среди этой кричащей, визжащей толпы, с восторгом наблюдали за происходящим. Для них это было просто небывалое приключение. Они-то были уверены, что этот «спектакль» закончится хорошо, это им подсказывало их детское чутьё. Они ни о чём не беспокоились, их ничто не тревожило, они смеялись и аплодировали происходящему на их глазах.

– Ну что же, – решительно сказала бабушка, – нам пора уходить!

Она поднялась со своего места и перекинула через плечо сумку. Нас с Бруно она аккуратно держала в руке.

– Вот сейчас, Бруно, – сказала она, – самое время вернуть тебя родителям!

Бруно пробормотал:

– Моя мама не очень-то любит мышей.

– Ничего, – строго сказала бабушка, – ей придётся привыкнуть к твоему новому облику.

Супругов Дженкинс было нетрудно найти: голос мамочки Бруно раздавался по всей столовой. Она кричала с надрывом в голосе:

– Герберт, уведи меня скорее отсюда! Я не могу здесь находиться, тут полно этих проклятых мышей! Они карабкаются по моей юбке!

Она судорожно хваталась за своего могучего супруга, висла у него на шее, вертелась, как безумная.

Бабушка тем не менее направилась прямо к ней и протянула руку, на которой сидел её бедный сын.

– А вот и ваш сынок, – сказала бабушка. – Будет лучше, если этот малыш посидит несколько дней на диете.

Довольно бодрым голосом Бруно приветствовал своих родителей:

– Привет, папа! Здорово, мама, это я!

Визг миссис Дженкинс стал непереносимым. Бабушка, обняв меня покрепче пальцами, поспешила выйти из столовой. Она быстро пересекла вестибюль, и мы оказались на крыльце, где морской воздух немного освежил нас. В этот момент я вдруг осознал, что мы находимся на морском берегу; волны равномерно накатывали на песчаный пляж и убегали назад. Стоял дивный тёплый летний вечер.

– Такси, пожалуйста, – обратилась бабушка к швейцару в зелёной униформе, который дежурил у входа в отель.

– Одну минуту, мадам, – ответил он и, засунув два пальца в рот, пронзительно и коротко свистнул.

Сердито, и в то же время с грустью, я взглянул на него: моя давняя мечта научиться так свистеть теперь стала для меня недостижимой.

Подъехала машина. Водитель, пожилой джентльмен с пышными усами, открыл перед бабушкой дверцу:

– Пожалуйста... Куда поедем, мадам?

Но тут взгляд его упал на меня, то есть на маленького мышонка, сидящего в бабушкиной руке.

– Чтоб мне провалиться, клянусь, что это мышь! – воскликнул он.

На это бабушка с невозмутимым спокойствием ответила:

– Это мой внук, и мы едем на вокзал.

– Знаете, – отозвался водитель, – а я всегда любил мышей. Когда я был мальчишкой, я их держал у себя. Они ведь размножаются с дикой быстротой. В мире никто не сравнится с ними! А если это ваш внук, то за неделю он преподнесёт вам кучу правнуков. Уж будьте уверены, я-то знаю.

– Поедем всё же, – холодно откликнулась на эту тираду бабушка.

Примостившись у неё на колене, я не вытерпел и спросил:

– Мы уезжаем, да?

И когда бабушка молча кивнула мне в ответ, я радостно закричал:

– Ура-а-а!

Бабушка уточнила, что мы едем в Норвегию, и я снова трижды прокричал «Ура!».

– А как же наши вещи? – забеспокоился я.

– Не стоит об этом думать, – ответила бабушка.

Мы промчались по улицам курорта, заполненным праздными людьми, бесцельно бродящими или сидящими там и сям. А мы уезжали в Норвегию!

– Как ты себя чувствуешь, дружок? – спросила бабушка.

– Прекрасно, просто изумительно! – заверил я её искренне.

Она погладила мою шерстку на спине:

– Сегодня у нас был большой день! Мы с тобой совершили подвиг!

– Да, – согласился я, – но это было ужасно.

Сердце мыши

Как хорошо было вернуться в Норвегию и снова оказаться в старом уютном доме бабушки! Но теперь, когда я стал мышью, все предметы и сам дом выглядели совершенно иначе. Мне нужно было привыкать к этим новым для меня, огромным пространствам. Теперь мне предстояло жить на коврах, среди ножек столов и стульев. Я начал находить в стенах любопытные щели, о которых раньше не имел никакого представления.

Закрытая дверь не поддавалась. А то, что было на столах, стало для меня недоступным.

Но прошло всего несколько дней, и с помощью бабушки моя новая жизнь начала понемногу устраиваться. Бабушка делала всё, чтобы мне было легче двигаться по дому и чтобы я чувствовал себя здесь хорошо. Она пригласила плотника, и он сделал для меня много маленьких и узеньких лестниц и

стремянков, которые она приставила ко всем столам и другим высоким предметам. По ним я мог подниматься всюду, куда захочу.

Она сама изобрела чудесное приспособление, позволяющее мне открывать двери в доме. Это были несложные системы с гирьками на длинных шнурах, с маленькими блоками и пружинами. Так что теперь открыть дверь для меня не представляло никакого труда. Стоило нажать передними лапками на дощечку, исполнявшую роль рычага, как весь механизм приходил в движение и дверь легко открывалась.

Бабушка догадалась, как помочь мне зажигать свет. Эта конструкция оказалась посложнее, я так и не смог разобраться в ней до конца. Но действовала она безотказно. Стоило мне наступить на кнопочку, расположенную на полу в каждой комнате, как свет зажигался. Наступив вторично на эту кнопку, я гасил свет.

Бабушка позаботилась и о моей зубной щётке: ручкой ей служила спичка, а щетинками были тоненькие щетинки из бабушкиной щётки для волос. Поэтому я с удовольствием чистил зубы несколько раз в день. Мы с ней решили, что посещение мною дантиста было бы слишком большим испытанием и для нас, и для него. Ради здоровья своих зубов я даже отказался от сладостей и шоколада!

Каждый вечер я принимал ванну. Для этого бабушка пожертвовала своей серебряной сахарницей на красивых изогнутых ножках, в которой я с удовольствием плескался перед сном.

Бабушка установила в доме строгий порядок, так что никто – ни горничная, ни повар – не входили в дом без предупреждения. Почти всё время мы были вдвоём и чувствовали себя превосходно в компании друг друга.

Однажды, когда бабушка расположилась у камина, а я свернулся у неё на колене, мы вспомнили о Бруно. Нам было жаль его. Я предположил даже, что его милые родители могли просто отдать Бруно швейцару, чтобы тот утопил его в ведре с водой. И бабушка с грустью согласилась со мной. Она, как обычно, курила свою чёрную сигару, а я нежился в тепле на её колене. Но вдруг одна мысль поразила меня: а сколько же лет живут мыши? Я спросил об этом бабушку, она погладила меня и сказала:

– Я давно ожидала, что ты спросишь меня об этом. Я читала, что мыши живут недолго. Вообще-то я постаралась прочесть всё, что только можно было, о мышах...

– Так сколько же? – не отставал я. – Недолго – это что значит?

– Обычная мышь, – ответила бабушка, – живёт около трёх лет. Но ты ведь мышь необычная. Ведь ты – личность в обличье мыши. Ты должен прожить больше, я думаю, лет девять, по крайней мере.

– Отлично! – закричал я. – Это прекрасно!

– Но почему ты задумался об этом, – спросила меня бабушка. – И что ты находишь в этом прекрасного?

– Прекрасно, – ответил я, – потому что я не хочу жить дольше, чем ты! Не хочу, чтобы рядом со мной был какой-то другой человек.

Мы помолчали, глядя на огонь камина. Бабушка кончиком пальца пощекотала моё ушко.

– А мне ведь уже восемьдесят пять, – лукаво сказала она.

– А разве ты не хочешь пожить ещё лет девять? – спросил я.

– Ну нет, почему же, – засмеялась она, – я вполне могу пожить ещё лет девять, если повезёт.

– Нет! Нет! – взмолился я. – Ты должна! И когда мы будем совсем старенькие, бабушка и старая мышь, мы вместе и умрём!

– Отличная идея, – согласилась бабушка.

После такого разговора я устал, и мне захотелось вздремнуть.

– А ты хочешь услышать кое-что интересное о себе? – вдруг спросила меня бабушка.

– Конечно, – сонно ответил я, не открывая глаз.

– Представь себе, сердце мышки, а это значит и твоё сердечко, бьётся со скоростью пятьсот ударов в минуту. Я бы никогда этому не поверила... Разве это не удивительно?!

Глаза мои при этих словах широко открылись.

– Но это же просто невозможно, – удивился я.

– Да, это действительно так. Я полагаю, что это просто чудо, – сказала бабушка.

Я посчитал в уме, что моё сердце бьётся со скоростью девять ударов в секунду. Бабушка продолжала:

– Это удивительно! Твоё сердце так спешит, что отдельные его удары слышать просто невозможно.

Я положил голову на передние лапки и задумался. Кружевная накидка бабушки щекотала мой нос.

– А ты слышишь, как стучит моё сердце? – спросил я.

– Конечно, милый, – ответила бабушка. – Когда ты лежишь ночью рядом, на соседней подушке, я слышу это очень хорошо. Но ты не сказал мне пока, хочешь ли ты всю оставшуюся жизнь прожить в облике мыши?

Я ответил, что совсем не думаю об этом. Разве это важно, кто ты и как ты выглядишь, если тебя любят?!

Нас ждут Великие дела

За ужином, когда бабушка ела омлет с хлебом, а я – кусочек моего любимого тёмного норвежского сыра, который делают из козьего молока, мы снова сидели перед камином, придвинув стол поближе к огню.

Бабушка уютно расположилась в своём кресле, а я восседал прямо на столе, но у меня была маленькая тарелочка. И мы опять разговорились о ведьмах. Теперь, когда с Великой старшей ведьмой было покончено, разве не должны были погибнуть другие ведьмы из других стран? Мне казалось, что именно так уже и произошло. Но бабушка не соглашалась со мной.

Я возражал: если Великой старшей ведьмы больше нет, то откуда они берут деньги на свои злопакости? И кто им отдаёт приказы? И кто без Великой ведьмы проводит ежегодные собрания всех ведьм в разных странах? И кто, наконец, придумывает всякие гадости, вроде этой «Формулы-86»?

– Но ты ведь сам знаешь, – убеждала меня бабушка, – когда у пчёл погибает их царица, в рое всегда найдётся пчела, способная занять её место.

Думаю, что у ведьм существует такой же порядок. У них есть специальная, ведьминская, штаб-квартира, и там наверняка найдётся другая, из самых старых и опытных ведьм, ожидающая момента, когда придёт её срок занять место Предводительницы всех ведьм.

– Как же так?! – возмутился я. – Это значит, что вся наша работа была напрасной?! Значит, не вышло никакого толку из того, что я подслушал? И зачем тогда я превратился в мышь?!

– Ты забыл, дорогой, что мы спасли английских детей, а это не безделица, – мягко напомнила мне бабушка.

– Конечно, я это помню, – сказал я. – Но я-то был уверен, что после всего, что случилось в отеле «Великолепный», все ведьмы в мире должны постепенно исчезнуть, когда до них дойдёт, что Великой старшей ведьмы больше нет. А по твоим словам получается, что всё будет продолжаться, как и прежде?!

– Ну уж нет, – не согласилась бабушка. – Ведь в Англии нет больше ведьм! Разве это не победа?! А что касается других стран, то я должна тебе кое-что рассказать. Я ведь не сидела сложа руки все эти дни. Я много думала над тем, что нам делать дальше.

Я уставился на бабушку, открыв рот. Лукавая улыбка появилась на её лице, глаза её смеялись, и уголки губ поднялись вверх.

– У меня для тебя есть интересные новости, – продолжала она.

Мы отставили свои тарелки, бабушка вытерла губы кружевным платочком и начала свой рассказ.

– Когда мы вернулись в Норвегию, я решила позвонить в Англию, шефу полиции Борнмута, где мы с тобой отдыхали. Я представилась шефом полиции всей Норвегии и поинтересовалась недавними странными событиями, происшедшими в одном из отелей Борнмута.

– Не придумывай, пожалуйста, – попросил я. – Не поверю, чтобы по телефону тебя приняли за шефа всей норвежской полиции!

– А ты разве не знаешь? Я всегда умела подражать чужим голосам. Поэтому шеф полиции Борнмута не только поверил мне, но и был польщён тем, что ему звонит из Норвегии самый главный полицейский страны! Я

попросила его сообщить мне имя и адрес леди, проживавшей в отеле «Великолепный» в номере четыреста пятьдесят четыре и теперь исчезнувшей. И он, конечно, сообщил мне и имя, и адрес, ведь полицейские службы разных стран всегда помогают друг другу.

– Ай да бабушка у меня! – воскликнул я в восторге. – Но откуда же он узнал её адрес?

Бабушка рассказала, что полицейские проверили всех посетителей отеля по записям в регистрационной книге, а кроме того, обыскали номер четыреста пятьдесят четыре и там обнаружили паспорт пропавшей леди. Так делается всегда в случае чьего-то исчезновения.

– Но разве ведьма сообщила при регистрации своё настоящее имя? – спросил я.

– А почему нет? – в свою очередь спросила меня бабушка. – Ведь никто в мире ничего знать не знал о ней, ни кто она, ни откуда. Все принимали её за молодую привлекательную леди, к тому же очень богатую. Только ты один, мой дорогой мальчик, видел её настоящее лицо без маски. А все остальные, кто её знал, думали, что эта леди – богатая баронесса, которая вкладывает огромные суммы в разные благотворительные фонды. Ты можешь мне поверить, мои сведения – самые точные!

Бабушкин рассказ взволновал меня. Я догадался, что адрес, который узнали полицейские в Борнмуте, это и есть адрес штаб-квартиры всех ведьм мира и что теперь там живут новая старшая ведьма и свита её помощниц и консультантов. Ведь у важных руководителей всегда великое множество помощников!

Бабушка сказала, что баронесса проживала в замке. В этом замке должны храниться имена и адреса ведьм всего мира. Отсюда Великая старшая ведьма и руководила всем ведьминским сообществом, отдавала распоряжения, устраивала ежегодные встречи ведьм разных стран.

– А где же всё-таки этот замок находится? Говори скорее! Неужели здесь, в Норвегии?

– Ты сразу угадал! – засмеялась бабушка. – Он действительно здесь, в горах, рядом с небольшой деревушкой.

Это была потрясающая новость! Я даже запрыгал на столе в каком-то диком танце. Да, бабушка собрала потрясающе ценные сведения! Я с уважением смотрел на неё, пока она вставала со своего кресла и, постукивая по ковру палочкой, прохаживалась в задумчивости по комнате.

Наконец, она сказала:

– Теперь нам с тобой предстоит большая работа, просто – огромное дело. Слава богу, что мышкой ты сможешь проникнуть туда, куда человеку ни за что не попасть. Я помогу тебе в этом. Я доставлю тебя к этому замку, и ты легко проникнешь внутрь. Я очень надеюсь, что ты сможешь там разобраться что к чему, увидеть и услышать всё, что нам необходимо.

– Да! Конечно! – чуть не закричал я в предвкушении того, что меня ожидает. – Ведь никто меня не заметит! Обезать огромный замок – это игрушки по сравнению с тем, что мне пришлось испытать в кухне отеля.

Но бабушка очень серьёзно отнеслась к тому, что меня может ожидать в замке, она разволновалась и потому говорила очень громко:

– Но тебе придётся пробыть там несколько дней. Ты ведь можешь сделать это?

Неожиданно быстро повернувшись ко мне, она нечаянно задела палкой высокую красивую китайскую вазу, которая, упав на пол, разлетелась на кусочки. Я только ахнул.

– Забудь о ней, – нахмурилась бабушка. – Подумаешь, какая-то старинная китайская ваза. Правда, она династии Мин

[5], ну да уж, ладно... ничего не поделаешь... И, как будто ничего не случилось, она продолжила начатый разговор: – Тебе, возможно, придётся пробыть в замке неделю, а может быть, и больше. И они не должны узнать об этом. Я же на это время арендую неподалёку домик в деревне, чтобы ты мог возвращаться ко мне по вечерам, поужинать со мной и всё обсудить. Ведь наше с тобой главное дело – уничтожить всех ведьм, всех до единой! Чтобы навсегда покончить с их мерзкой бандой!

– Но как ты себе представляешь всё это? – удивился я. – Как я один смогу уничтожить их всех?!

– А «Формула-86»? «Создатель мышей»? – победоносно взглянула на меня бабушка. – Это зелье замедленного действия?! Разве ты не помнишь его рецепт?

Я ответил, что отлично помню. После того как я стал свидетелем тайны его приготовления, мне теперь его вовек не забыть.

– Ну вот и отлично, – сказала бабушка. – Ты будешь капать им по капле этого чудодейственного напитка, всем, кого ты там увидишь.

Однако у меня появились сомнения:

– А как же мы его приготовим? Кто полезет на дерево? Кто пойдёт на охоту?

– Не волнуйся. Я, я сама всё сделаю! – воскликнула бабушка, снова неосторожно размахивая палочкой. – Я всё смогу, есть ещё порох в пороховницах!

А что потом, когда мы изведём всех обитателей замка, что будет после?

Я представил себе стаю мышей, в которых превратится вся эта банда, вместе со своей новой Великой старшей ведьмой. Но что нам с ними делать?! И я стал рассуждать вслух.

– Бабушка, – сказал я, – когда мы превратим всех обитателей замка в мышей, они по-прежнему останутся ведьмами, маленькими, противными мышами-ведьмами, которые сохраняют способность говорить и думать! Это будут маленькие мыши-ведьмы, очень умные и опасные. Они после этого смогут проникать всюду, как обычные мыши. И мне никогда не справиться с этим отродьем!

– Конечно, ты прав! – воскликнула бабушка. – Как же это я не подумала об этом?! Как это мне не пришло в голову? Ты абсолютно прав, их надо уничтожать по-настоящему, бить и топтать, как это было в нашем отеле.

А я продолжал размышлять вслух:

– Думаю, что простые мышеловки тут не пригодятся: ведь у Великой ведьмы не вышло поймать нас с Бруно в мышеловки.

– Не упоминай о ней, – сказала бабушка. – Её больше нет, её растоптал сам директор отеля. Нам с тобой сейчас надо подумать о новой Великой

ведьме, о её свите. Мы ведь знаем, как много может Великая ведьма натворить в маске милой леди, ну а став мышью, она сможет напакостить гораздо больше!

– Я знаю, я придумал, – закричал я, прыгая на месте. – Это кошки! Ты притащишь дюжину кошек в замок, и через полчаса там не останется ни одной мыши! Кошкам ведь всё равно – говорящие мыши или нет.

– Прекрасная идея, ты просто волшебник! – заключила бабушка.

В радостном волнении она опять размахивала своей палочкой в опасной близости от оставшихся китайских ваз. Мне показалось, что от гордости за меня она была готова разбить их все.

– Но ты обязательно должен будешь исчезнуть из замка, прежде чем там появятся кошки, – предупредила она.

– А что мы сделаем потом, после того как кошки съедят всех мышей?

– После этого мы поселимся с тобой в замке, найдём там все имена, все адреса, раскроем всех ведьм мира! – торжествовала бабушка. – И вот тогда-то начнётся самое главное в нашей с тобой жизни! Мы упакуем свой багаж и поедem в долгое путешествие по всему миру! В каждой стране мы пойдём по этим адресам и разыщем всех ведьм до единой! Ты прошмыгнёшь в каждый дом, в каждую квартиру, где живут эти ведьмы, чтобы капнуть одну каплю «Фор-мулы-86» на хлеб, на пудинг, на любую еду. Вот это будет настоящая победа! Наш триумф! И это сделаем только мы двое – ты и я! Вот наша работа на всю оставшуюся жизнь.

Она подняла меня на ладони и нежно поцеловала в нос.

– У нас с тобой есть великое дело на несколько лет!

– И до чего же интересное дело! – подтвердил я в восторге.

– Мне не терпится начать поскорее! – воскликнула моя бабушка.

Об авторе

А знаешь, кто написал эту книгу?

Её автор – Роальд Даль, родившийся в 1916 году в Великобритании.

Он-то, наверное, знал побольше нас с тобой о настоящих ведьмах – ведь он поднимался высоко в небо на своём самолёте и, может быть, там их встречал (в годы Второй мировой войны Роальд Даль служил лётчиком-истребителем Британских военно-воздушных сил).

Он много ездил, работал даже в Восточной Африке и немало повидал интересного, о чём и решил рассказать девочкам и мальчикам в своих книгах.

А поскольку мама и папа Роальда Даля были родом из Норвегии, он провёл в этой стране много счастливых дней, приезжая туда на каникулах. Вот почему бабушку, милую и умную героиню этой книжки, писатель наделил чертами своей мамы.

А всё, что он помнил и полюбил в Норвегии, – и сказочные предания, и детали жизни, – он оставил на страницах этой книги для своих юных читателей.

Тебе покажется интересным, как выглядела спальня детей Роальда Даля: это была просторная комната, с потолка которой свисали на длинных шнурах разноцветные стеклянные шары. Писатель уверял своих ребяташек, что ведьмы, случайно залетевшие ночью к ним в спальню, мгновенно в страхе улетали в ночь – так их пугало собственное отражение в блестящих стеклянных шарах...

К сожалению, Роальд Даль умер в 1990 году, в возрасте 74 лет. Но остались книги, написанные им для детей. Одну из них ты держишь сейчас в руках. У этого остроумного, смелого и доброго человека был девиз в жизни, вот он:

*С двух сторон зажжена свеча моя,
Но она не сгорит в ночи,
И всех вас, враги, и всех вас, друзья,
Освещают её лучи.*

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Даль Роальд

ВЕДЬМЫ

Д15 Ведьмы: Сказочная повесть/Пер. с англ. И.С. Висковой. – М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. – 190 с.

Эта занимательная история о том, как научиться распознавать ведьму среди людей. Ведь ты можешь сидеть рядом с ней, не подозревая, что это – настоящая ведьма! Ведьмы так похожи на обыкновенных женщин! Но они чрезвычайно опасны для детей. К счастью, в этой книжке у мальчика была умная и наблюдательная бабушка, которая знала кое-что о ведьминских повадках. Но даже несмотря на её наблюдательность, ведьмы сумели ей здорово насолить!

ISBN 5-353-01878-8 УДК821.111-93

ББК 84 (4Вел)

[1]Мидии – морские моллюски.

[2]Дюйм – принятая в Англии единица длины, равная 2.54 см.

[3]Фут – принятая в Англии единица длины, равная 30,5 см.

[4]Инкланд – искажённое в устах ведьмы название Англии (England).

[5]Мин – императорская династия Китая, правившая в XIV-XVII веках новой эры.